

This book is provided in digital form with the permission of the rightsholder as part of a Google project to make the world's books discoverable online.

This book is licensed under a Creative Commons license. By using a Creative Commons license, the rightsholder chose to give you more freedom to share or re-use the book than would otherwise be possible under copyright law.

This license allows distribution of this book with attribution but prohibits commercial use or derivative works. Terms available here: <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>

About Google Books

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Books helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**Коробейников
Алексей Владимирович
(р.1961)**

После окончания исторического факультета Удмуртского государственного университета и ВК КГБ СССР в г. Киеве служил на предприятиях оборонного комплекса. В настоящее время – пенсионер. Автор 20 книг по истории Волго-Уральского региона.

**Туранов
Андрей Алексеевич
(р.1963)**

Родился в селе Вавож (Удмуртия). Закончил Ижевский механический институт по специальности «Производство летательных аппаратов». В настоящее время – ведущий инженер-конструктор в области проектирования газодобывающего оборудования. Автор 2 книг и статей по удмуртскому краеведению.

Коробейников А.В.
Туранов А.А.

Вятское краеведение XIX века. Священник Н.И. Курочкин об удмуртах

**Коробейников А.В.
Туранов А.А.**

Вятское краеведение XIX века. Священник Н.И. Курочкин об удмуртах

**Коробейников А. В.
Тураиов А. А.**

Вятское краеведение XIX века.
Священник Н. И. Курочкин
об удмуртах

Ижевск
2008

ББК 63.521(=664.1)

УДК 908(470.51)

К68

Публикуется на личные средства авторов

Рецензенты:

Тронин А.А., профессор кафедры отечественной истории УдГУ, д. ист. наук;

Дербин Е.Н., доцент Ижевского филиала РНУ, канд. ист. наук

К68 Коробейников А.В., Туранов А.А.
Вятское краеведение XIX века. Священник Н. Н. Курочкин
об удмуртах. – Ижевск : Издательский дом “Удмуртский университет”, 2008. – 96 с.: ил.

ISBN 978-5-7029-0339-2

В книге описаны жизнь и научное наследие корреспондента Русского географического общества священника Н.И. Курочкина. В середине XIX века он был одним из первых краеведов Малмыжского уезда Вятской губернии. Впервые публикуется по архивным материалам одна из его работ об удмуртах, сопровождаемая подробным комментарием.

Ключевые слова: *источниковедение, удмурты, этническая история, этнология, история изучения удмуртов, русское географическое общество, просветительство, христианизация, Вятская губерния.*

ББК 63.521(=664.1)

УДК 908(470.51)

©А.В.Коробейников - текст, публикация, комментарии

©А.А.Туранов-текст

©Издательский дом “Удмуртский университет”

СОДЕРЖАНИЕ

О ЧЕМ И ДЛЯ КОГО ЭТА КНИГА	4
ПОЛТОРА ВЕКА В ВЯТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	7
ОБ АТТРИБУЦИИ ТЕКСТОВ И.И. КУРОЧКИНА	22
НАЧАЛО СЛУЖЕИИЯ	34
КАТЕХИЗАТОР И КОРРЕСПОНДЕИТ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА	50
РУКОПИСЬ «ВОТЯКИ МАЛМЫЖСКОГО УЕЗДА» <i>публикация и комментарий</i>	63
ОЧЕРК МАЛМЫЖСКОГО УЕЗДА: <i>новизна и актуальность данных</i>	81
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	93
СОКРАЩЕНИЯ	94

*Я остался бы доволен тем, если бы лицам образованным,
посвятившим себя истории и этнографии финских племен,
подавал повод заняться бытописанием вотяков,
забытых писателями и малоизвестных ученому свету.¹*

О ЧЕМ И ДЛЯ КОГО ЭТА КНИГА

Авторы² и рецензенты данной книги полагают, что она явится ценным пособием, прежде всего, для учителей, которые преподают историю Удмуртии, по существующим программам³: опубликованные здесь произведения освещают такие темы базового курса как хозяйство и материальная культура удмуртов, духовная культура и обрядовая жизнь. Кроме того, публикуемые источники и их комментарии могут вдохновить создателей авторских программ и элективных курсов историко-краеведческого цикла.

Издание будет интересно и студентам, которые изучают курсы этиологии и регионоведения: вводимые в научный оборот свидетельства, относимые к середине XIX века позволяют по-новому взглянуть на некоторые аспекты этнической истории народов Волго-Камья; новизну таких подходов мы специально подчеркиваем в соответствующих частях книги.

Учителя литературы и фольклористы найдут здесь одну из первых публикаций текста героического эпоса приволжско-финских народов.

Следует отметить, что приводимые Н.И. Курочкиным свидетельства были опубликованы в тогдашних средствах массовой информации; зачастую они являются весьма своеобразными образцами публицистики, которые, несомненно, заинтересуют как будущих журналистов, так и тех, кто пишет на «местные» темы.

Авторы постарались показать, как личность и профессиональная деятельность автора-православного священника, который по собственному почину стал краеведом, наложили отпечаток и на его манеру письма, и на выбор тем. Поэтому считаем, что книга имеет и воспитательное значение, прежде всего, в силу того, что жизнь нашего героя явилась достойным примером служения Церкви и делу просвещения.

¹ Курочкин Н.И. О воти или вотяках, о переселении их из финской страны в вятскую. ВГВ, 1852. № 19. С. 156.

² С благодарностью отмечаем вклад Ижевского историка В.С. Чуракова: он сделал ценные замечания по содержанию всей рукописи этой книги и принял участие в написании одной из глав.

³ Никулина Т.Е., Владимирова Р.А. История Удмуртии: программа для 6–9 кл. общеобраз. школ. Ижевск. ИПК и ПРО УР. 2007. 28 с.

В изложении материала мы тщательно стремились избегать какого-то идиологического «научообразия», и считаем, что простой и понятный язык является положительной чертой написанных нами текстов. Тем не менее, научная составляющая проделанной работы реализуется, прежде всего, в попытке доказательного и документального освещения биографии Н.И. Курочкина и особенностей его творчества. Соответствие принципу историзма этого исследования проявляется в том, что мы постарались дать оценку деятельности краеведа в контексте социально-политической обстановки, характерной для Вятской губернии и соответствующих уездов губернии. Правда, мы можем описывать историческую обстановку в довольно сжатой форме; наши материалы ограничивают лимиты объема книги.

Книга состоит из нескольких глав, материал которых частично был опубликован авторами в ряде статей, поэтому каждая из глав имеет собственную систему сносок и свою пристатейную библиографию. Тем не менее, мы постарались сделать так, чтобы труд имел все черты научной монографии.

Всякое исследование историка принято предварять историографическим обзором, который должен показать читателю актуальность и исследованность проблемы в динамике времени. И наше исследование, как читатель сможет убедиться, не является в этом плане исключением. Однако, применительно к такой исторической науке, как этнография, историографическая составляющая, на наш взгляд, имеет свою специфику: несмотря на то, что этнографические сочинения в большинстве своем описывают те или иные состояния реалий народной жизни на определенный момент времени (или сравнительно краткий период времени), они позволяют выделить в своем составе два массива данных. Первый массив основан на личных наблюдениях автора или на свидетельствах его информаторов; условно говоря, автор пишет о том, что сам видел или слышал от людей, имена которых он зачастую упоминает с благодарностью. Второй массив составляют данные, заимствованные из произведений предшественников. Причем для авторов прошлых веков характерно было то, что они иногда не ссылались на источники информации: их выписки из опубликованных ранее произведений могут не выделяться в тексте. Поэтому современному читателю трудно бывает понять, где автор публикует собственные наблюдения, а где заимствованную информацию. Ситуация усугубляется тем, что в текст публикации включаются также и сведения, которые этнографу сообщают информаторы, предварительно «начитавшиеся» литературы по теме задаваемых им вопросов. Наш собственный опыт этнографических экспедиций свидетельствует, что в этом случае, сведения преподносятся в качестве «слышанного от стариков»: прадедов, деревенских знаменитостей и т.п. и иных людей, давно умерших, то есть сам источник информации бывает почти легендарен.

Иными словами, в качестве безусловно достоверных свидетельств устной истории, на которых могут быть основаны научные гипотезы, следует принять лишь сведения, получаемые из известных источников, то есть от очевидцев. Все остальное, это так называемый «информационный шум», который увеличивает объем опубликованных книг, но информационной нагрузки не несет.

Чтение этнографической литературы об удмуртах способно привести к выводу о том, что множество тезисов и сюжетов здесь кочуют из одной книги в другую на протяжении десятилетий и даже веков. С одной стороны, данное обстоятельство может свидетельствовать о достоверности данных, но, с другой стороны, консервация фиксируемых реалий в значительном временном промежутке может вызывать сомнения, и при хронологическом расположении произведений сам собой напрашивается вывод о простом заимствовании данных без указания источника. Поэтому перед историком в качестве самостоятельной задачи возникает проблема поиска первоначального текста (протографа), который в самом деле мог быть основой реальных свидетельств. Читатель сам увидит, как вполне конкретные сюжеты, впервые затронутые Н.И. Курочкиным, стали предметом повторений.

Конечно, исследователь, который знакомится с произведениями предшественников по изучаемой теме, волею-неволею заимствует плаги для собственного произведения: он либо «навешивает» на известный скелет свои собственные данные, строит свою теорию, либо полемизирует с предшественником, опровергая известные аргументы и приводя собственные доказательства по существу обсуждаемых гипотез. Иными словами, сходство структуры произведений, разделенных десятилетиями, близость описанных сюжетов может указать на источник заимствования. Как мы показываем в соответствующей главе, выявление такого источника имеет вполне утилитарное значение: произведение, в котором сосредоточена первичная информация, сюжет, для которого не удается выявить источники заимствования с большой долей вероятности могут быть признаны в качестве достоверного источника исторической информации, основанной на свидетельствах очевидца.

Книг и статей по этнографии удмуртов во время Н.И. Курочкина было опубликовано сравнительно немного, а свободного доступа к солидным библиотечным собраниям сельский священник не имел. Но это имело положительные следствия: во-первых, он не отделял себя от объекта изучения и производил «включение и наблюдение» социума изнутри, во-вторых, он объективно не имел возможностей для заимствования. И самое главное: он работал по научной исследовательской программе, разработанной академическим учреждением. В свете отмеченных обстоятельств публикации Н.И. Курочкина представляют несомненный интерес и для «практического» историка.

Итак, предлагаемый материал продолжает предыдущую нашу работу, в которой были опубликованы 23 книги и статьи об истории удмуртов, вышедшие из-под пера служителей Русской Православной церкви [1], а также книгу об истории православного прихода в удмуртском с. Водзимонье [2]. Тематически эта работа стоит в одном ряду и с другими нашими проектами, которые посвящены публикации научного наследия священников-краеведов [3, 4].

Известно, что первые научные сведения об удмуртах были собраны и опубликованы в XVIII веке; достаточно лишь вспомнить о работах Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, И.Г. Георги, Ф.И. Страленберга, П.С. Палласа, Н.П. и П.И. Рычковых и др. Однако все эти публикации, во-первых, вышли из-под пера путешественников (в основном иностранцев), которые видели удмуртов в числе прочих народов, посещали их проездом и средн этого народа сколь-нибудь продолжительного времени не жили. Во-вторых, свидетельства многих авторов того времени трудно привязать к конкретным населенным пунктам и даже областям проживания удмуртов; ученые до сих пор спорят, где именно побывали эти путешественники, и к какой из локальных групп удмуртов относятся их записи.¹ Кроме того, каждый из путешественников собирал сведения по своей собственной программе, а в записках разных путешественников изложение материала организовано разными способами – здесь и дневниковый, и тематический, и географический принципы. Записки эти растянуты по времени – между ними целые десятилетия в пределах XVIII века. С учетом изложенных обстоятельств, даже сложив все эти свидетельства вместе, трудно получить целостную картину материальной и духовной культуры удмуртского народа (или одной из его локальных групп) на конкретный период времени.

Традиция изучать удмуртов проездом (или наездом) была продолжена и в XIX веке когда путешественник И.Ф. Эрдман проехал Вятскую губернию и издал свои путевые заметки на немецком языке в 1828 году, эта книга несколько раз была опубликована в нашей стране фрагментарно, но полный перевод ее на русский язык, кажется, не был еще опубликован².

¹ Исключениями являются свидетельства П.С. Палласа относительно южных удмуртов и работа Д.Г. Мессершмидта, имеющая точную хронологическую и топографическую привязку: в течение недели он проехал по северу Удмуртии и сделал записки в нескольких деревнях. В то же время общерезанно, что северные, южные и центральные удмурты имеют значительные отличия как в языковом, так и в культурном отношении.

² Большой фрагмент произведения издан в переводе: Эрдман И.Ф. Путешествие по Вятской губ. летом 1816 г. Т. I. Дерпт. 1822. Т. II. Лейпциг. 1825–1826 // Труды Научного общества по изучению Вотского края. Вып. V. Ижевск. 1928. С. 36–42. Среди прочего, автор описывает обычай гостеприимного гетеризма у удмуртов. Возможно, поэтому его труд не введен в широкий научный оборот; мы располагаем письменными изложениями мнений современных удмуртских этнологов, которые полагают, что исследовать эту тему «не прилично».

Практически все историографы упоминают и о путевых записках Александры Фукс в форме ее писем к супругу-профессору Казанского университета [5]. Эти записки неоднократно печатались в периодических изданиях 30-х–40-х годов XIX века. Уже этиологи того века отмечали фрагментарность записок и многократные ошибки в фиксации жизненных реалий, которые возникли как вследствие поверхностного знакомства госпожи Фукс с жизнью поволжских народов, так и из-за незнания ею языков описываемых народов. Тем не менее, вплоть до наших дней именно эти записки, которые не представляют собой научного исследования и не являются результатом планированного наблюдения, а лишь излагают личные впечатления «туристки» и как-то понятие ей слухи, упоминаются в качестве чуть ли не единственного источника по этнографии удмуртов первой половины XIX века.³ По мнению многих современных этнологов, следующие по времени источники, которые заслуживают внимания, появились лишь спустя два–три десятилетия после указанных публикаций, то есть в 60-х годах XIX столетия. Возникает справедливый вопрос: неужели в промежутке с 30-х по 60-е годы никто из ученых не писал об удмуртах?

Конечно, такие публикации были, и еще столетие назад они были широко известны, прежде всего, благодаря тому, что опубликованы они были в губернской газете, которая доставлялась во многие библиотеки России. Почему же их нет в обороте современных этнологов? Для ответа на этот вопрос обратимся к одному из забытых имен.⁴

³ Описывая номинки удмуртов, А. Фукс приводит шокирующий пассаж: «По окончании номинки старик добровольно отдавал себя в жертву для своего спасения. Его убивали и хоронили всей деревней как нраведника». См.: Фукс. А. Вотяки казанской губернии // Северная часть, 1844. С. 640. Переиздание текста этих записок или даже цитирование современными авторами нам не известно: можно лишь догадываться, что причиной тому явилось обращение г-жи Фукс к теме человеческих жертвоприношений, которая стала весьма чувствительной для этнологов спустя полвека после выхода ее публикаций, т.е. с 90-х годов XIX века. в связи с Мултанским процессом. К сожалению, нам пока не удалось обнаружить названную книгу ни в региональных библиотеках, ни в Национальной библиотеке РФ.

⁴ Забытых имен в местной историографии много: вспомним совершенно анекдотичный пример того, как местные историки долгое время публиковали рассуждения о том, куда могла «нодеваться» рукопись Д.Г. Мессершмидта: одни утверждали, что она сгорела, другие доказывали, что она утонула. При этом никто не предпринимал мер к розыску документа, который лежал в открытом доступе в архиве Академии Наук, где он был обнаружен Натальей Борлуковой, а затем переведен и опубликован Владимиром Нанольским на его собственные средства. Публикация вызвала волну критики со стороны национальной интеллигенции: многим не нравилось, что ученый опубликовал текст, в котором были описаны обычаи многоженства и внебрачные отношения у удмуртов XVIII века. См. подробнее об этом: Нанольских, В.В. Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта. Ижевск: Издательство «Удмуртия». 2001. 220 с.

Н. Н. Курочкин в отечественной историографии

Курочкин Никандр Ильич (1806–после 1884). В 1828 году окончил Вятскую духовную семинарию с аттестатом 1-го разряда и тогда же был определен учителем в Сарапульское духовное училище, где прослужил до сентября 1830 года. В священники произведен 5 апреля 1830 года в с. Нечкино Сарапульского уезда. Служил в Богоявленской церкви [6. Л. 462 об.]. В 1831 году здесь же «... был увещавателем при военном суде, учрежденном по Нечкинскому приказу, по случаю возмущения удельных крестьян против начальства» [6. Л. 73 об.].

В с. Водзимоиье Малмыжского уезда Вятской губернии был переведен 14 ноября 1832 года. С 1835 по 1838 год исполнял должность Духовного Депутата. «В 1848 году, с утверждения Его Пресвященства, принял обязанность Корреспондента Русского Географического Общества» [6. Л. 205 об.]. «В 1848, 1849, 1850 и 1851 годах от совета означенного общества, за доставление сведений по части этнографии и служащих к определению климата, получал письменно признательность».⁵ «... В 1850 по приглашению Вятского Губернского Статистического комитета принял звание члена-корреспондента комитета». В 1849 году «за прохождение депутатской должности и обращение в правоверие 52-х человек» награжден набедренником [6. Л. 156 об.]. «Уволен в заштат» в 1856 году [7. Л. 613 об.].

Итак, священник Никандр Ильич Курочкин не имел исторического образования и в академических структурах не служил. Тем не менее, проживая в течение нескольких десятилетий среди удмуртов на территории современного Вавожского района Удмуртии, он в инициативном порядке в свободное от службы время собрал этнографические и археологические свидетельства по широкому кругу вопросов, высказал предположения об этнической истории народов, населявших малмыжскую землю. При этом, в отличие от предшественников, он работал по стандартизированной научной программе, которая была разработана Русским географическим обществом. Результаты его работ тогда же были напечатаны в периодических изданиях; на сегодняшний день нам удалось обнаружить порядка десяти его статей.

Сложилось так, что будучи известными в XIX веке, его работы постепенно исчезают из библиографий советского периода и оказывается, что сегодня они прочно забыты удмуртскими этнологами и историками науки; современные ученые, которые вспоминают о нем, зачастую даже затрудняются с верным указанием его инициалов. Бесплезно искать и публикации Н. И. Курочкина в

⁵ В архиве Императорского русского географического общества в делах, которые содержат переписку с корреспондентами, нам пока не удалось обнаружить свидетельств того, в какой форме эти благодарности направлялись Н. И. Курочкину; возможно, следы их удастся отыскать в делопроизводстве Вятской епархии.

библиотеках Удмуртии. Так почему же исследователь, который плаиомерио изучал удмуртов, проживал в их среде и опубликовал порядка десятка научных работ за полвека до Г. Е. Верещагина, П. Н. Луппова, Н. Г. Первухина и др., материалы которого были использованы современниками, был вычеркнут из списка учених? Кем, когда и почему он был вычеркнут? Рассмотрим его место в историографии чуть более подробно в динамике времени. Для этого обратимся к известному множеству библиографических указателей и историографических исследований и рассмотрим их в хронологическом порядке.

1. Видимо, первое упоминание о работе Н.И. Курочкина в прикижной библиографии можно найти в книге М. Буха об удмуртах, которая увидела свет в 1882 году. Автор указывает его статью⁶ про кладу серебряных монет [8, с. 183].

2. Из жизнеописания Н. И. Курочкина (см. выше) известно, что с благословения руководства епархии он являлся корреспондентом Императорского русского географического общества (далее ИРГО) и в течение нескольких лет высылал туда собранные материалы. Поэтому логично будет искать его работы (возможно, опубликованные под псевдонимом – ?) в изданиях ИРГО и библиографическом указателе публикаций ИРГО, который вышел в свет в 1886 году [9]. Однако в этом издании ссылки на его публикации пока не были нами атрибутированы.

3. И. Н. Смирнов в 1890 году сопроводил свою монографию историографическим обзором [10]. Говоря о вкладе исследователей XIX века, он дает оценку письмам А. Фукса, а затем характеризует 3 публикации из Вятских губернских ведомостей (далее ВГВ): анонимную работу компилятивного плана «Вотьяки Вятской губернии» (1846), статью И. Попова «Историческое сказание о селе Святицком Глазовского уезда» (1851) и публикацию Н. И. Курочкина «Вотьяки Малмыжского уезда...». Относительно последней И. Н. Смирнов пишет: «Автор, не сообщая новых подробностей, описывает куалу, жертвоприношения, жрецов. Новые подробности он дает в описании обряда изгнания шайтана (загораживание вырезанных из дуба⁷ человеческих фигур). Описывая погребальный обряд, автор говорит об обычае слагать в могилу все, на чем лежал умерший, и класть ему в рот масла или сушеной говядины» [10, с. 271].

⁶ Правда, фамилию человека, написавшего статью, М. Т. Бух не называет. Наше предположение о том, что речь идет именно о Н. И. Курочкине основано на том обстоятельстве, что он опубликовал, но меньшей мере, три статьи о кладах монет, которые были обнаружены в местах проживания удмуртов: см. табл. далее в тексте.

⁷ Здесь явная опечатка: в тексте Н. И. Курочкина описаны фигуры, вырезанные не из дуба, а из луба [Вотьяки Малмыжского уезда... С. 212].

4. Наиболее обширный перечень публикаций нашего героя встречаем в библиографическом указателе А. А. Спицына, опубликованном в 1891 году [11]. Составитель этого подробного каталога публикаций в губернской газете атрибутирует статьи на основании подписей их авторов и сопровождает библиографические записи собственными ремарками.

Итак, этот указатель отмечает следующие работы:

Курочкин Н. Клады серебряных монет, найденных близ вотских селений (по рч. Седмурги) Малмыжского уезда. ВГВ. 1847. № 23.

Курочкин Н. Пугачев. ВГВ. 1847. № 24 (По документам архива с. Водзимоиья).

Курочкин Н. Вотьяки Малмыжского уезда Вятской губернии. ВГВ. 1851. №24–26⁸.

Курочкин Н. Древние вотьяки на Вятке и некоторые черты образа жизни их. ВГВ. 1852. № 16 (Относительно этой работы составитель замечает: «*Очень сжатое описание. Наиболее интересны сведения о дендорах*»⁹ [11, с. 44]).

Курочкин Н. О воти или вотяхах, о переселении их из финской страны в вятскую. ВГВ. 1852. № 19 (А. А. Спицын указывает: «*Доводы неубедительны*» [11, с. 44]).

Курочкин Н. Очерк Малмыжского уезда. ВГВ. 1853. № 18–19.

(Комментарий А. А. Спицына гласит: «*Составлен по программе географического общества, краток, но не безинтересен*» [11, с. 59].)

На наш взгляд, Н.И. Курочкин гипотетически мог иметь причастность по крайней мере к еще одной анонимной публикации в ВГВ из перечня А. А. Спицына: № 813. – Вотьяки. ВГВ. 1854. № 41. Вместо подписи под ней указано: «Из Воеи. Эцикл. Лскс». А. А. Спицын расширявает это, как: «*Воеио-энциклопедический лексикон*» [11, с. 44]¹⁰.

5. П. Н. Луппов, автор магистерской диссертации об истории христианизации удмуртов, опубликованной в 1899 году, по всей видимости, глубоко изучил источники, и обнаружил свидетельство Н. И. Курочкина по теме своего

⁸ Заметим, что некоторые из статей в газете подписаны «С. Н. Курочкин». Очевидно, что «С» в данном случае не инициал, а сокращение от «священник».

⁹ Дендоры (демдоры) – изделия металлической пластики, носимые на одежде.

¹⁰ Размещение следом за статьями Курочкина еще одной анонимной публикации, хронологически совпадающей с периодом его активного творчества, побуждает нас предпринять попытки к установлению его реального участия в ее написании. Более подробно версии об атрибуции мы рассмотрим в соответствующей главе данной книги.

исследования. Он пишет следующее: «В № 25 <ВГВ> за 1851 г. некто Курочкин¹¹ пишет про малмыжских вотяков, что они начали принимать христианство со времен Петра I и Екатерины II, но в подтверждение этой мысли у автора не приведено никаких данных; источником этого известия было, очевидно, предание, не всегда, как известно, соответствующее действительности» [13, с. 52]. Какие же «данные», то есть документальные свидетельства, мог привести Н. И. Курочкин и насколько его указание о начале христианизации удмуртов Водзимоиской округи соответствует истине? Во-первых, заметим, что работа священника, о которой говорит П. Н. Луппов, относится не к области церковной истории, а посвящена этнографии; ее автор просто не задавался целью детально выяснить историю христианизации своей паствы. Заметим также, что приход в с. Водзимонье был открыт лишь в 1751 году, а церковь построена несколькими годами позже (подробнее см. об этом [2, с. 52–53]). Соответственно, с этого периода начал формироваться и местный приходской архив, к которому мог иметь постоянный доступ приходской священник Н. И. Курочкин¹². Разумеется, в архивах более высокого уровня, которые не были доступны приходскому священнику, но изучались П. Н. Лупповым, последним были обнаружены Указы Петра I о христианизации черемис (марциев) и отчетные документы о раздаче инокрещеным жалования и об освобождении их от рекрутской повинности. Таким образом, принципы и правовые основания массовой христианизации Поволжских народов «в обмен на материальные блага» действительно были заложены в Петровское время. Правда, документы о христианизации удмуртов по данной схеме до 1723 года Лупповым не были найдены. Но данное обстоятельство, как представляется, не исключает того, что крещения удмуртов проводились священниками и раиее: удмурты могли попадать в отчетных документах в категорию черемис, так как деижные выдачи за крещение были первоначально легализованы именно для этого народа [13, с. 106–108]. Кроме того, крещения могли производиться священниками и по личной инициативе, без выдачи исофитам казенных деиег. Следовательно, такие крещения не попадали в фианисовые отчеты. Наконец, Петровско-Екатерининский период продолжался по крайней мере восемь десятилетий. Сам П. Н. Луппов приводит убедительные примеры того, что именно на это время приходится ник катехизаторской активности: так, по данным опубликованного им документа по Водзимоискому приходу, к

¹¹ На наш взгляд, формулировка «некто Курочкин» в устах историка П. Н. Лупнова имеет оттенок некоторого снобизма; как мы покажем далее, в статье о биографии священника-краеведа, Курочкины и Лупповы состояли в родстве. Впрочем, данное обстоятельство могло быть и не известно П. Н. Луппову.

¹² Именно в местном архиве он обнаружил анонимную конволюцию из официальных документов о Пугачеве, которая и была опубликована им в ВГВ.

1752 году числится 1320 инокрещенных жителей в 201 дворе в 15 селениях [13, с. 149–150]. Именно для этих людей в селе впервые строится церковь. Таким образом, указание Н. И. Курочкина о периоде массовой христианизации жителей его прихода в указанном промежутке времени вполне соответствует действительности.

6. Мы не имеем сведений о том, что Н. И. Курочкин был корреспондентом научных сообществ при Казанском университете. Тем не менее, такая возможность не исключалась, исходя из соображений географической близости места его службы, поэтому нами был проверен Указатель статей, напечатанных в учебных занисках Казанского университета за время 1834–1899 [14]. Работы Курочкина там не были обнаружены¹³.

7. В справочном труде В. Н. Харузиной, опубликованном в 1904 году Н. И. Курочкин упомянут не был, несмотря на то, что автор была знакома с удмуртской проблематикой и даже выпустила книгу об истории этого народа [15]. Вероятно, работы нашего героя не попали в издание, которое носило характер справочника по мпровой этнографии и включало в себя лишь крупные и приципиально важные публикации [16].

8. С. К. Кузнецов в обзорной статье об истории изучения финских народов Поволжья в XIX веке, которая вышла в 1910 году, указывает: «В 30-х годах приятное впечатление производили письма г-жи Фукс...», а затем сразу переходит к характеристике этнографической литературы 60-х годов, не упоминая о Н. И. Курочкине [17, с. 79].

9. М. М. Хомяков в прикнижном обзоре литературы об удмуртах в том же году, характеризуя источники середины XIX в., указывает статью Фукс А. Поездка к вотякам Казанской губернии // Казанские губернские ведомости. 1844. № 14–29 [18, с. 12]. Далее подряд идут две публикации: Курочкин Н. Вотяки Малмыжского уезда // ВГВ. 1851 и Вотяки // ВГВ. 1854. Интересно комментарий М. М. Хомякова: «Вотяки, описанные в статье малорослы, имеют рыжие волосы, крайне неопрятны» [там же]. В самом деле, в статье в ВГВ, перепечатанной из Военного

¹³ Данное обстоятельство можно объяснить лишь тем, что деятельность священника-краеведа не была под контролем енархического начальства: исследования и публикации он предпринимал исключительно в рамках субординации, то есть по благославлению Вятского епископа; соответственно, к Казанской енархии он отношения не имел, и в Казанских изданиях, скорее всего, не публиковался.

словаря такие слова имеются. Более того, они в целом повторяют формулировки, изложенные в статье «Вотяки Малмыжского уезда...». Однако в обоих случаях указание на «неопрятность» является единственным из тех, что теоретически может иметь негативный оттенок, а во-вторых, оно здесь же объясняется необходимостью совместного проживания людей в зимнее время вместе с прилодом домашнего скота, что было свойственно крестьянам вплоть до наших дней в зависимости от их национальной принадлежности, и, наконец, это указание отнюдь не исчерпывает характеристик удмуртского народа: здесь же Н. И. Курочкин пространно описывает трудолюбие людей, честность и иные положительные качества.

10. Д. К. Зеленин в справочном издании, составленном на основе изучения архива Императорского географического общества под № 24 указывает:

«Свящ. Никандр Курочкин. Вотяки Малмыжского уезда, Вятской губернии. Статья этнографическая. 39 стр. в четверку. (Рукопись получена в Географическом Обществе в 1848 году).

Кое-что об истории вотяков (по литературным материалам¹⁴). Наружность: одежда, жилище, пища, кумышка; здоровье и болезни; язык, языческая религия; ворожцы; праздники; обычай выгонять шайтана накануне Нового года. Свадьбы. Похороны; наречение имени новорожденному; обычай вколачивать медные деньги в избе (при отъезде); приметы. Религиозная жизнь крещеных вотяков. Характеристика вотяков; занятия, промыслы и рукоделия. Эта ценная статья напечатана в «Вятских Губернских Вестях» 1851 г., №№ 24–26» [19, с. 17].

Однако в своей фундаментальной работе о русской этнографической литературе вышедшей в 1913 году. Д. К. Зеленин [20] указывает лишь одну работу нашего автора, при том это более поздняя публикация: Курочкин Н. Очерк Малмыжского уезда. ВГВ. 1853. № 18–19.

¹⁴ Иными словами, Д. К. Зеленин предпологал, что труд Курочкина имеет черты компилятивности. Однако, на наш взгляд, знакомство священника с литературой по этнографии удмуртов, которая могла иметься в библиотеках к середине XIX века могло произойти лишь в уездных городах и в столице губернии и представляется маловероятным в силу того, что рядовой священник редко покидал место жительства, выезжая за пределы прихода, лишь в соответствии с указаниями церковного начальства. В пользу оригинальности текстов Курочкина свидетельствует и их содержание: сообщаемые им факты из жизни удмуртов касаются бытовой и обрядовой сферы и вполне могли быть основаны на его личных наблюдениях; у него просто не было нужды переносить из книг то, что он видел каждый день, живя среди крестьян. Наше издание содержит публикацию полного текста названной рукописи (см. далее).

11. В 1928 году Н. Н. Поппе издает большую обзорную статью, посвященную истории изучения финно-угорских народов. Видимо, вслед за И. Н. Смирновым (см. выше) автор указывает, что источником середины XIX века для изучения удмуртов являются письма А. Фукс [21, с. 40], а в алфавитном приложении библиографическом списке называется работа Н. Курочкина «Вотяки Малмыжского уезда» [21, с. 70].

12. В 1928 году Я. И. Ильин издает библиографический указатель (более 500 названий) книг и статей об удмуртах [22]. Здесь в разделе Антропология и этнография мы видим подряд две статьи Н.И. Курочкина: № 16 – Вотяки Малмыжского уезда; № 17 – Древние вотяки на Вятке.

13. В недавнем прошлом удмуртскими учеными были изданы многочисленные и обширные исследования по истории этнографического изучения удмуртов и собственно этнографические работы, которые содержат историографические разделы с библиографией в соотнесении с именами:

Владыкин В.Е. Из истории этнографического изучения удмуртов // Записки УдНИИ. Вып. 22. История. Экономика. Ижевск, 1970. С. 117–140.

Владыкин В.Е. К вопросу о дохристианских верованиях удмуртов // Записки УдНИИ. Вып. 22. История. Экономика. Ижевск, 1970. С. 141–162.

Христолюбова Л.С. Из истории изучения семейных обрядов удмуртов // Записки УдНИИ. Вып. 22. История. Экономика. Ижевск, 1970. С. 163–212.

Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. История этнографии удмуртов: Краткий историографический очерк с библиографией. Ижевск, 1984. 141 с. (Библиогр. на С. 83–141)

Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск: ИИЯЛ УрО РАН, 1993. 392 с.

Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. Этнография удмуртов: учебное пособие по краеведению. Ижевск: Издательство «Удмуртия», 1997. 248 с.

Ни в одном из этих изданий нет упоминания о Н.И. Курочкине и оценки его роли в этнографическом изучении удмуртов.

Правда, одно упоминание нам удалось найти в публикации 1977 года: А.Н. Вахрушев указывает: «*Интересные сведения приводились также в статье Н. Курочкина «Вотяки Малмыжского уезда»*» [23, с. 10].

Добавок, В. Е. Владыкин в списке литературы к своей монографии приводит библиографическую справку, но она содержит неполное название статьи и неверные номера журнала: *Курочкин Н.* Вотяки малмыжского уезда. ВГВ. 1851. № 8 [24, с. 358]. На самом деле выходные данные статьи следующие: *Курочкин Н.* Вотяки Малмыжского уезда Вятской губернии. ВГВ. 1851. № 24–26.

14. Энциклопедический том Истории Удмуртии сообщает читателю, что «*С.Н. Курочкин оставил описание удмуртов Малмыжского уезда*». Здесь же приводится ссылка на ВГВ. 1851. № 24. С. 199–204 [25, с. 240]. Нетрудно заметить, что авторы издания, пренебрегая к фундаментальности, указывают неверные инициалы Н.И. Курочкина и неверные страницы губернского издания!

15. Возможно, вслед за названным изданием В. С. Чураков в статье «Удмуртские традиционные верования в свете некоторых лексических реконструкций» ссылался на описание дэйдора, данное в середине XIX века в статье *С.И. Курочкина* «Древние вотяки на Вятке...» [26]. Мы указывали выше, что если статья подписана как С. Н. Курочкин, буква «С» является не инициалом, а сокращением от «священник», так как автором статьи является священник села Водзимоиья Никандр Ильич Курочкин.

16. В систематическом каталоге краеведческого отдела Национальной Библиотеки Удмуртской Республики в ящике № 238 (Удм. 91.1–91.27) имеется карточка на статью: *Курочкин Н.* Пугачев: (по док. Архива с. Водзимоиья) / Курочкин Н. // ВГВ. 1847. № 24 (Кпроб ОБ). Однако самой статьи в фонде нет!

17. В тематическом электронном указателе НБ УР «Удмурты: история, этнография, археология», который содержит несколько тысяч библиографических записей ссылок на работы священника Н.И. Курочкина, нет, есть лишь ссылки на прикитные библиографии Вахрушева и Поппе, в которых упомянут Курочкин (см. выше).

18. Ижевский краевед Е.Ф. Шумилов в своем произведении «Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы...» среди прочих авторов-священников, писавших об удмуртах, упоминает Курочкина Н., однако каких-либо данных о нем не приводит [27, с. 202], а в именованном указателе в конце книги ошибочно расшифровывает инициал: «Курочкин **Н**иколай, св., вторая половина XIX в.» [27, с. 418]¹⁵.

19. Отрадно заметить, что историкам за пределами Удмуртии Н.И. Курочкин известен и его наследие активно используется:

Г.А. Михеева в кандидатской диссертации, защищенной в 2006 году в Чувашском государственном университете, отмечает, что Н.И. Курочкин не только изложил историю города Малмыжа, но и первым из историков поставил вопрос о направлении заселения Малмыжских земель марийцами [28, с. 5].

Кировский историк В.А. Бердических в тщательном исследовании, посвященном Вятской провинциальной историографии ставит Н.И. Курочкина в один ряд с такими же энтузиастами-корреспондентами Географического общества и дает ссылку на архивное дело, которое содержит и написанное этим исследователем произведение [29, с. 253].

Сайт Института языкознания РАН содержит ссылку на работу Н.И. Курочкина о кладах древнерусских монет [30].

Почему же работам Никандра Ильича Курочкина, «не повезло» в Удмуртии и они не имеют высокого индекса цитирования, как, например, публикации Александры Фукс? Можно лишь догадываться о причинах этого: разумеется, по общему мнению, сведения в статьях г-жи Фукс отрывочны, и во многом деинформативны. Но они «производят приятное впечатление» (см. мнение С.К. Кузнецова выше). Действительно, стиль изложения г-жи Фукс можно назвать умиленно-сентиментальным. Так, едва ли не во всех своих историографических публикациях В.Е. Владыкин раз за разом цитирует ее слова «мои милые вотяки». И стиль, и содержание этих не совсем абсолютно комплиментарны, в них мы не найдем постановки научных проблем или описания реальных условий

¹⁵ Возможно, ошибка возникла под влиянием другого исторического персонажа: Николай Курочкин был известным в нашем регионе металлургическим и ставил на изделия клеймо со своим именем.

¹⁶ Известно, что самобытная Казанская писательница и поэтесса Александра Андреевна Фукс (1805–1853) содержала литературный салон. Она опубликовала множество авторских, в том числе стихотворных текстов; была знакома лично и состояла в переписке с А.С. Пушкиным. Будучи сунругой выдающегося медика и краеведа К.Ф. Фукса (1776–1846) она родила, но меньшей мере, нятерых детей, четверо из которых умерли в младенчестве. Мемуаристы отмечали, что видела семью Фуксов на Приволжских курортах. Основываясь на содержании ее не совсем можно обоснованно полагать, что А.А. Фукс знакомилась с народной жизнью в ходе поездок, которые она вместе с детьми предпринимала с оздоровительными целями. Есть основания считать, что она могла в какой-то степени знать чувашский язык, так как провела детство в Чебоксарах: см. например, ее переводы чувашских песен [Фукс А.А. Заниски Александры Фукс о чувашах и черемисах. Казань, 1840. С. 82 и др.]. Она же указывает: «В черемисских избах очень неуютно» [там же, с. 203].

жизни народа. Ее туры по Поволжью вряд ли предполагали проживание в простых крестьянских избах¹⁶, и местное иачальство показывало ей ианболее благообразных и экзотических поселян. В то же время священник Курочкин условия народной жизни и проблемы народа знал ие понаслышке и видел их ие в качестве туриста: он сам жил едва ли более комфортно, чем его паства, и бытовые условия организовывал себе сам. Например, в опубликованных статьях он вполне квалифицированно рассуждает и об устройстве отопления, и об устройстве домов вообще. Соответственно, перед ним стояли задачи преобразования действительности путем крещения язычников, смены их мировоззренческой парадигмы, интеграции удмуртского народа в Российское общество путем внедрения современных приемов земледелия и инструментов, привития иавыков счета времени в соответствии с гражданским и церковным календарем (путем посещения воскресных и праздничных служб), определенных гигиенических норм т.п. В тех условиях священнослужитель являлся своеобразным цивилизатором своей паствы, и поэтому вполне адекватно фиксировал ее состояние и перемены, происходившие благодаря его многолетней целенаправленной деятельности. Поэтому и в своих произведениях Н.И. Курочкин ие стремился произвести «приятное впечатление» на читателя, а более или менее адекватно отражал собранные сведения. Так отчего же источник, высоко ценимый такими авторитетными историками, как А. А. Спицын и Д.К. Зеленин, был забыт в современной Удмуртии? Наверное, здесь иет никакого умысла или заговора молчания: можно лишь предполагать элементарное равнодушие наших земляков, которые ие берут на себя труда ознакомиться с работами Н.И. Курочкина и избегают ответственности их объективной публичной оценки. Таким образом, предлагаемая публикация призвана обратить внимание иаучного сообщества на пласт источников, вводимых нами в иаучный оборот. В качестве перспективы работы по теме нам видится поиск неопубликованных или ие известных работ и публикация наиболее полного комментария к собранию произведений Н.И. Курочкина.

Список обнаруженных работ Н.И. Курочкина

Курочкин Н.И. Клады или старинные серебряные деньги Царей и Великих князей Московских, найденные в земле близ вотских селений в Малмыжском уезде // ВГВ, 1847. № 23. С. 143–145.

Курочкин Н.И. Пугачев (по док. Архива с. Водзимоиья) / Курочкин Н. // ВГВ. 1847. № 24. С. 150–152.

Курочкин Н.И. Вотьяки Малмыжского уезда Вятской губернии. Архив Русского Географического Общества. Разряд X. Д. 24 (Рукопись).

Курочкин Н.И. Вотьяки Малмыжского уезда Вятской губернии // ВГВ. 185. № 24. С. 200–204.

ВГВ. 1851. № 25. С. 210–214.

ВГВ. 1851. № 26. С. 220–223.

Курочкин Н.И. Древние вотьяки на Вятке и некоторые черты образа жизни их // ВГВ. 1852. № 16. С. 126–130.

Курочкин Н.И. О вотях или вотяках, о переселении их из финской страны в вятскую // ВГВ. 1852. № 19. С. 154–156.

Курочкин Н.И. Очерк Малмыжского уезда // ВГВ. 1853. № 18. С. 137–142; № 19. С. 147–151.

Сведения о публикациях неизвестного содержания:

Курочкин Н.И. Клады // Журнал министерства народного просвещения, 1847. № 6.

Курочкин Н.И. Клады серебряных монет, найденных близ вотских селений (по речке Седмурча) Малмыжского уезда // Мос. гор. Листок. 1847. № 145.

Литература и источники

1. *Коробейников А.В., Чураков В.С.* Православные священники об удмуртах: аннотированная хрестоматия. [Электронный ресурс]. Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 2007. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM; 420 Mb). Загл. с экрана+Рекламно-техническое описание и содержание информации структуры. 24 с.

2. *Туранов А.А.* Вавож. Водзимоиье. Первое столетие православных приходов. Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 2006. 81 с.

3. *Коробейников А.В.* Н.Н. Блинов о древности Сарапула. Ижевск : Изд. дом Удмуртский университет, 2008. 52 с. + 1 электрон. опт. диск. (CD ROM) [Электронный ресурс].

4. *Коробейников А.В.* Удмуртский фольклор из собрания Бориса Гаврилова. Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 2008. 36 с. + 1 электрон. опт. диск. (CD ROM) [Электронный ресурс].

5. *Фукс А.А.* Поездка к вотьякам Казанской губернии. Казань, 1848.

6. ЦГА УР. Ф. 30. Оп. 1. Д. 8.

7. ЦГА УР. Ф. 30. Оп. 1. Д. 9.

8. *Buch M.* Die Wotjaken, eine ethnologische Studie. Helsingfors, 1882.

9. Указатель к изданиям Русского географического общества и его отделов с 1846 по 1875гг. СПб, 1886.

Издания ИРГО, хронологически совпадающие с периодом деятельности Н.И. Курочкина:

Вестник Географического общества. СПб, 1851–1860. Ч. 1–30.

- Географические известия. СПб, 1848–1850. Т. 103.
Записки ИРГО. СПб, 1846–1859. Т. 1–13.
Этиографический сборник. СПб, 1853–1864. Т. 1–6.
10. *Смирнов И.Н.* Вотяки. Историко-этиографический очерк / ИОАИЭ. Т. 8. Вып. 2. Казань, 1890. 308 с. + 41с. прил.
11. *Спицын А.А.* Систематический указатель статей местного отдела неофициальной части Вятских губернских ведомостей (1838–1890): в 2-х вып. Вятка, 1890–1891.
12. Военный энциклопедический лексикон. Ч. 1–14. / Изд. Общ. военных и литераторов; под ред. барона Зедделера. СПб., 1837–1852, 1852–1858.
13. *Луппов П.Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 390 с.
14. Указатель статей, напечатанных в ученых записках Казанского университета за время 1834–1899. Казань, 1900. 90 с.
15. *Харузина В.Н.* Вотяки. М., 1898. 49 с.
16. *Харузина В.* Материалы для библиографии этиографической литературы. СПб, 1904. 295 с.
17. *Кузнецов С.К.* Успехи этнологии в деле изучения финнов Поволжья за последние тридцать лет // Этнографическое обозрение. 1910. № 1–2. С. 77–113.
18. *Хомяков М.М.* О краинологическом типе Чепецких вотяков в связи с общим развитием вотской народности. Антропологическое исследование. Казань: Типография Императорского университета, 1910. 294 с.
19. *Зеленин Д.К.* Материалы для описания Вятской губернии хранящиеся в Архиве Императорского Русского Географического Общества. Вятка : Издание Вятского статистического комитета, 1912. 52 с.
20. *Зеленин Д.К.* Библиографический указатель русской этиографической литературы о внешнем быте народов России. 1700–1910 гг. СПб, 1913. С. 7–76.
21. *Попте Н.Н.* Этнографическое изучение финно-угорских народов в СССР // Финно-угорский сборник. Л., 1928. С. 27–76. (Библиография на с. 65-76).
22. *Ильин Я.И.* Рой книг. Собрание книг и статей об удмуртах (вотяках) областных и виоеблстных (с 1762 до половныи 1928 гг.). Ижевск, 1929.
23. *Вахрушев А.Н.* Изучение истории Удмуртии до Великой Октябрьской Социалистической Революции // Историография истории Удмуртии. Ижевск, 1977. С. 3–45. (Библиография в подстрочных примечаниях).
24. *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мпра удмуртов. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 1994. 384 с.
25. История Удмуртии: конец XV – начало XX. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2004.
26. *Чураков В.С.* Удмуртские традиционные верования в свете некоторых лексических реконструкций // Идиакар: методы историко-культурной реконструкции [Электрон. ресурс]. 2007. № 1. С. 58, 64. Режим доступа: www.idnakar.ru

27. *Шумилов Е.Ф.* Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI – начало XX в. Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2001. 434 с.

28. *Михеева Г.А.* Проблемы формирования и функционирования культурного ландшафта русского провинциального города в XV–XIX вв. (на примере города Малмыж Кировской области.) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук [Электрон. ресурс]. 23 с. Режим доступа: www.CHUVSU.ru/university/zaschita_dissertaciy/miheeva.doc

29. *Бердинских В.А.* Уездные историки: Русская провинциальная историография. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 253 с.

30. Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию // Академия Наук РФ. Институт языкознания. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://biblyaz.narod.ru/vyp5/2/2254-2402.html#2352>

ОБ АТРИБУЦИИ ТЕКСТОВ Н.И. КУРОЧКИНА

Для того чтобы адекватно описать вклад Н.И. Курочкина в науку мы должны были, прежде всего, разыскать и атрибутировать его научное наследие. Было известно, что многие свои произведения сельский священник публиковал в Вятских губернских ведомостях. Библиографические справочники по истории и этнографии удмуртов, издаваемые в конце XIX – начале XX веков издают несколько его публикаций, которые были ими обнаружены (см. выше). Предварительные результаты разысканий были ими опубликованы [1].

1. О статье из Военного лексикона

Как было отмечено выше, перечень публикаций нашего героя имеется в библиографическом указателе А.А. Спицына, опубликованном в 1891 году [2]. Составитель этого подробного каталога атрибутирует статьи на основании подлинных их авторов и сопровождает библиографические записи собственными ремарками.

Сразу же за публикациями Н.И. Курочкина в перечне приводится анонимная статья (№ 813 по Спицыну): Вотяки // ВГВ. 1854. № 41. Вместо подлинной под ней указано: «Из Военн. Энцикл. Лекс». А.А. Спицын расшифровывает это, как: «Военно-энциклопедический лексикон» [2, с. 44], тома которого выходили несколькими изданиями в середине XIX в. [3].

М.М. Хомяков в прикижном обзоре литературы об удмуртах в 1910 году характеризует источники середины XIX в. указывает две публикации [4, с. 12]: *Курочкин Н.* Вотяки Малмыжского уезда // ВГВ. 1851 и статью, перепечатанную из Военного лексикона: Вотяки // ВГВ. 1854. Следовательно, он повторяет композицию А.А. Спицына. Интересно комментарий М.М. Хомякова: «*Вотяки, описанные в статье малорослы, имеют рыжие волосы, крайне неопрятны*» [там же].

В 1928 году Я.И. Ильин издаст библиографический указатель (более 500 названий) книг и статей об удмуртах [5]. Здесь мы видим подряд статьи Н.И. Курочкина: № 16 – Вотяки Малмыжского уезда; № 17 – Древние вотяки на Вятке; а сразу же за ними № 18 – статья из Военного словаря без указания автора.

Мотив, по которому составители библиографических списков поместили анонимную статью рядом с материалами Н.И. Курочкина, проще всего объясняется хронологическим принципом построения базы данных: статьи Курочкина датированы 1851 и 1852 годами, потом, соответственно, идет единственная в промежутке между 1853 и 1854 годами публикация из Лексикона, а вслед за ней другие публикации 1855 года.

Но, может быть, исследователи имели какие-то веские основания полагать, что автором статьи в Военном лексиконе был именно Н.И. Курочкин? Таким образом, композиция не менее чем трех обнаруженных ими историографо-библиографических обзоров как бы намекает на его причастность к этому тексту.

Скорее всего, экстракция материала была произведена составителями энциклопедии из нескольких источников. Тем не менее, сравнение текстов данной публикации с вышедшими ранее работами Н.И. Курочкина показывает явное текстовое сходство. В самом деле, в статье в ВГВ, перепечатанной из Военного словаря не совсем лестная формулировка внешнего вида удмуртов, процитированная М.М. Хомяковым имеется. Более того, она во многом повторяет оценки, изложенные в статье Н.И. Курочкина «Вотяки Малмыжского уезда...». Однако во всех случаях указание на «неопрятность» является единственным из тех, что теоретически может иметь негативный оттенок, а во-вторых, в работе Курочкина она объясняется необходимостью совместного проживания людей в зимнее время вместе с приплодом домашнего скота, что было свойственно крестьянам вплоть до наших дней в зависимости от их национальной принадлежности, и, наконец, это указание отнюдь не исчерпывает характеристик удмуртского народа: здесь же Н.И. Курочкин пространно описывает его трудолюбие, честность и иные положительные качества.

Таким образом, некоторое содержательное сходство двух текстов позволило нам выдвинуть версию о возможной причастности Н.И. Курочкина к статье из Военно-энциклопедического лексикона [1], но вопрос этот до настоящего времени ни нами, ни коллегами специально не был исследован. Поэтому полагаем, что решенная полностью задача атрибуции текстов, которые вышли из-под пера героя нашей публикации, через выяснение направления вектора заимствования, объемов и источников заимствования, может быть рассмотрена в рамках предлагаемой статьи.

1. Поиск протографа

Итак, статья в губернской газете появилась в 1854 году; перепечатана она была из второго издания Военного энциклопедического лексикона, части (тома) которого издавались в период 1852–1858 годы. Надо сказать, что в первом издании этого справочника, вышедшем в свет в 1839 году, статья «Вотяки» уже имелась [3, с. 572–573]. Интересно отметить различия текстов обоих изданий (см. табл. 1).

Понятно, что указание на численность удмуртов в издании 1839 года могло быть приведено по данным переписи (ревизии) населения 1833 года, а в более позднем издании данные были обновлены по результатам 9-й ревизии, которая прошла в 1850 году. Кроме того, текст отражает успехи христианизации данного народа между двумя изданиями справочника. Тем не менее, обнаружение протографа не решает задачи атрибуции текста: расшифрованной подлинной статье в Лексиконе не имеет, а приложенный к изданию список сотрудников редакции с расшифровкой инициалов не позволяет отнести данную статью к одному из поименованных здесь авторов. Кроме того, учитывая малодоступность данного источника, считаем целесообразным опубликовать его здесь полностью (см. табл. 2).

Таблица 1.

№	абз. текста	Издание Лексикона 1839 г.	Издание ВГВ 1854 г. и Лексикона 1852 г.
1	3	Хотя вотяки ныне большей частью окрещены, но они не оставили своих идолопоклоннических обычаев и странных суеверий.	Вотяки ныне большей частью исповедуют христианскую веру.
2	3	Главная страсть их неномерное употребление <i>кумыки</i> ¹ рода браги, равняющегося силою обыкновенному вину.	Главная страсть их неномерное употребление <i>кумыса</i> ² рода браги, равняющегося силою обыкновенному вину.
3	4	В 1837 г. в числе государственных носелян считалось вотяков: в Вятской губернии 85325 душ мужского пола, в Казанской губернии 6258 обоего пола; в последнем числе было 1513 некрещенных.	В 1850 г. в числе государственных носелян считалось вотяков: в Вятской и Оренбургской губернии до 110000 душ обоего пола.

2. Текстологический анализ

Для того чтобы определить источники, из которых был «собран» текст статьи Энциклопедического словаря, разобьем его на смысловые куски и попытаемся найти им параллели в ранее опубликованных произведениях об удмуртах. Дабы структурировать нашу аргументацию, изложим ее в табличной форме (см. Табл. 2).

Текст из первого издания Военно-энциклопедического словаря (или источник данных для этого текста) был использован авторами последующих статей об удмуртах; так, например, статья в ВГВ за 1842 год сообщает: «Вотяки вообще кротки, смелы, правдивы, покорны властям и не имеют себя равных в отправлении государственных податей и повинностей» [10] (ср. с п. 8 Табл. 2).

Вывод

Сравнением текстов нетрудно убедиться, что рассматриваемая статья из Военного энциклопедического лексикона, впоследствии перепечатанная в Вятских губернских ведомостях, является полиобъемной компиляцией из ранее опубликованных источников; для собственных полевых материалов этнографа в ней просто не остается места! Иными словами, текстуальное

¹ Здесь, по всей видимости, опечатка. Следовало: *кумышки*.

² При переиздании ошибочно восстановлена «правильная», по мнению редактора, явно не знавшего названия удмуртского напитка, форма *кумыс*.

Таблица 2.

№	Текст Военно-энциклопедического Лексикона 1839 г.	Тексты предшествующих авторов
1	Вотяки, народ финского племени, обитающий в Северо-Восточной части России. Сам себя он называет От, Ут, Ут-мурт или Ут-Морт. У татар он известен под именем Ари. Прежде вотяки вероятно обитали на реке Енисею, где недавно еще встречались остатки исчезнувшего ныне Арского племени; в последствии неизвестно по какому случаю, переселились они на берега Камы, между нынешними губерниями Казанскою и Вятскою, на так называемое Арское поле.	... кажется, что сей народ произошел от древних Гамоксбитов, с которыми в житии нынешние Мунгалы и Калмыки и другие тамошние народы во всем сходствуют [6, с. 8]. <i>Вотяки</i> , конх славяне называли <i>вотами</i> , проименованы от татар <i>Арами</i> , сиречь Украинцами; отчего некоторые производят и их происхождение, обитающего и теперь около реки Енисея народа. <i>Аринцами</i> именуемого, который однако же, в древние времена имел свои жилища возле Уральских гор... Собственное же Вотяков название есть <i>Уды</i> или <i>Удмурты</i> или <i>Морты</i> : но Морт значит вообще, на языке их, человека [7, с. 48].
2	Здесь они управлялись собственными князьями, основали на том месте, где ныне Арский пригородок, свое жилище, и построили крепость. Отсюда они были вытеснены уже татарами, и в настоящее время обитают в губерниях: Вятской, (где после русских составляют большую часть народонаселения) Казанской (в уездах Казанском и Мамадышском) и в Оренбургской.	Основали они в стране, где ныне стоит Арской пригородок, свое жилище, и малую крепость построили, откуда татарами вытеснены, принуждены были удалиться опять в лежащие далее к северу и густым лесам покрытые места, к Вятке и Верхней Каме [8, с. 29].
3	Большая часть вотяков малорослы и имеют рыжие волосы.	Между вотяками более мелких, нежели крупных [6, с.11–12]. Немного находится между ними дюжих, великорослых и пригожих людей... никакого иного народа не находится, который бы более сего имел рыжих волос [8, с. 30]. Росту большая часть среднего, худощавы, волосы бывают всякие, но у многих рыжие. С виду находят на финнов больше, нежели все единородные с ними народы [7, с. 48].
4	Они говорят своим собственным языком, который, однако ж, по филологическому характеру своему, явно принадлежит к семейству языков финских.	Они говорят собственным, от финского происходящим, языком [7, с. 48].
5	Хотя вотяки ныне большей частью окрещены, но они не оставили своих идолопоклоннических обычаев и странных суеверий.	Казанские <вотяки> но большей частью крещены [8, с. 35].

6	При том они крайне неопытны и от этого впадают в разные болезни	В чистоте они не таковы как татары. Всю посуду и съестные припасы держат в ирвеликой нечистоте [8, с. 30–31].
7	Главная страсть их неумеренное употребление кумыки, рода браги, равняющейся силою обыкновенному вину. (В следующем издании Лексикона опечатка была восстановлена как «кумыс» – прим. авт.)	Они почти все, как мужчины, так и женщины, к пьянству склонны. Вотяки иначе имеют к тому хороший случай потому, что при завоевании их земли от великого царя Иоанна Васильевича II получили вольность сидеть в своих деревнях вино... [6, с. 13]. ³
8	По с другой стороны народ этот ирворен, весел, вообще очень кроток, трудолюбив, ирвдив, и в ирнравном ирснолении новинностей не имеет себе равного.	В ирочем, честны, миролюбивы, гостеприимчивы, трезвы, но и суеверны, к любви не страстны и иростосердечны [7, с. 48].
9	Вотяки вообще радуют к земледелию и в Вятской губернии им ирпринадлежит честь искусства в хлебопашестве, которое здесь ирпроцветает и над которым вотяки ирпроводят в полях иногда целые ночи.	Они хорошие земледельцы [8, с. 33] Пет в Российском государстве ни одного народа могущего с ними сравниться в трудолюбии. Ревнование и ночтение к трудам между вотяками столь велико, что женщины стараются одна ирред другой ирснуться ранее, дабы иридти на жатву иррежде своей соседки [9, с. 163].
10	Кроме того, они занимаются ирчеловодством и зимою ходят на звериные промыслы с луком и каньми (?).	...водят ирчел бортовых, а зимою ходят и на звериные промыслы... в стрелянии из луков [8, с. 33].
11	В Казанской губернии они занимаются ирнортняжеским мастерством, а в Вятской ткут холст для домашнего употребления из конопли, которую сами разводят.	Женщины иррядут, ткут холст, делают толстые сукна, валяют войлоки, вышивают узоры и ирнортничат [7, с. 49]. В зимнее время ирнражение мужчин состоит в битье шерсти и в делании войлоков; а женщины ткут различные холсты, шерстяные сукна, и вышивают ирнотелна шелковыми фигурами, которые употребляют для украшения своей одежды [9, с. 163].

сходство данной статьи с публикациями Н.И. Курочкина является либо случайным (оба автора одинаково описывают одни и те же современные им явления объективной реальности), либо сам Н.И. Курочкин в случае нужды мог бы использовать данную статью, первоначальный текст которой был опубликован в 1839 году в качестве «коиспекта» и источника идей для работ, которые появились с его подписью лишь десятилетием позже. В статье, которая была опубликована в ВГВ в 1859 году и будет рассмотрена нами ниже, читаем:

³ См., напр.: О курении вотяками кумышки. (Официальный указ) // ВГВ. 1847. № 7.

«Неизвестный автор статьи о вотяках в военном энциклопедическом лексиконе полагает, что вотяки обитали прежде, вероятно, по реке Енисею...» [11, с. 296]. Таким образом, мы должны признать ошибочность высказанных нами ранее предположений о возможном использовании материалов, собранных сельским священником в подготовке энциклопедической статьи. Иными словами, ни сам Н.И. Курочкин, ни его публикации отношения к статье из Военного энциклопедического лексикона не имеют.

2. Еще одна неизвестная статья Н.И. Курочкина?

В подшивке Вятских губернских ведомостей за 1859 год нами обнаружена анонимная статья [11, с. 295–297], содержание которой позволяет выдвинуть предположение о возможной причастности ее к творческому наследию Н.И. Курочкина. Основанием для такой гипотезы служат, во-первых, историографические обстоятельства: в литературе 50-х годов XIX века, пожалуй, никто кроме Курочкина вопросов ранней истории удмуртов не затрагивал, и если в публикации 1851 года данный автор не приводит никаких версий относительно происхождения этого народа [12], то уже в статьях следующего года высказывает предположение о прибалтийском происхождении племени вотяков [13; 14].

Кроме того, статьи Н.И. Курочкина и анонимная публикация 1859 года имеют множество идейных и текстуальных сходжений. Приведем их в виде Таблицы 3.

Поиск протографа и текстуальные сходжения

Нетрудно заметить, что в части описания похода новгородцев в область современной локализации удмуртов оба текста (см. Табл. 3, строки 2–4) восходят к одному протографу – общеизвестному и многократно цитированному тексту Н.М. Карамзина из «Истории государства Российского» [15, с. 34], который, в свою очередь, как и схожий текст написанный в начале XIX века «Истории вятчани» А.И. Вештомова, восходит к известным «Повести о стране Вятской», составленной предположительно дяковом хлыновского Богоявленского собора С.Ф. Поповым в период между 1706–1710 годами [16]⁴.

(Авторство Карамзина проистекает из того, что в свое время именно он заменил текст «Истории Российской» пассажем «Повести» о высадке новгородцев в «Чусовских местах» на «Устье Ось». Видимо, он по какой-то причине сомневался в возможности перехода с реки Чусовой на Чепцу.)

Однако ни у Карамзина, ни у Вештомова нет тезиса о происхождении удмуртов от прибалтийской воды. Понятно, что и утверждение анонима о том, что Карамзин «между переселением вотяков и колонизацией Новгородцев и

⁴ Достоверность датировки основания Вятки XII веком давно оспорена историками; оценка названного сюжета находится за рамками данной работы.

Таблица 3.

	Тексты Н.И. Курочкина 1851–1852 гг.	Текст анонима 1859 г.
1	Историки и этнографы согласны в том, что Вотяки все по происхождению принадлежат к финнам [13, с. 155].	Все они согласны в том, что вотяки составляют отрасль финского племени... Герберштейн в своем сборнике говорит, что вотяки жили сперва при Финском заливе [11, с. 295]. Лерберг производит <имя вотяков> от финского слова, означающего воду... Вештомов, автор «Истории вятчани» полагает, что вотяки составляют потомство древнего финского (Sie!) племени вятичей [11, с. 296].
2	Слова <i>воть</i> и <i>вотьяки</i> однокоренные. Подобным образом у нас говорится <i>русь</i> и <i>русаки</i> . Слова <i>воть</i> и <i>вотьяк</i> происходят, по моему мнению, от слова <i>Vatjalaisct</i> как и финском наречии называет себя <i>воть</i> ямбургского уезда. Вотяки Вятской губернии именуют себя Ут-мурт (ут-собственное имя вотяка, мурт-человек, итак ут-мурт значит – вотьяк человек. Имя уть произведено из однокоренных имен ут, от и вот, и эти опять восходят к своему коренному <i>Vatjalaisct</i> . А так одинаковое название воти Ямбургской или Финской и воти Вятской показывает, что та и другая одного племени [13, с. 154–155].	...предположение, принадлежащее чуть ли не Карамзину, который между переселением вотяков и колонизацией Новгородцев на Вятке хотел видеть необходимую связь. Это предположение опирается на следующие данные: одна из Новгородских пятин называлась вотскою от народа финского происхождения воти или води... на Вятке мы видим также воть или вотяков... [11, с. 296].
3	...вотяки на Вятке известны стали, по крайней мере, по истории не ранее XII столетия; при том воть финская почти совсем исчезла, а вятская умиротворилась... [13, с. 155] В 1174 году некоторые жители земли Новгородской, стесненные многолюдством, а также гражданскими и военными беспокойствами своего отечества пошли искать себе счастья в других странах [14, с. 126–127] Доплыв Волгою до Камы... одна часть Новгородцев отправилась до устья Осы. Окрестности Осы были просторны и богаты дарами природы; однако, Новгородцы здесь не остановились: они искали область Вятскую, поэтому, повернув с востока на запад дошли до реки Чепцы и, плывя вниз до Вятки покорили вотяков и на оседлостях их утвердили свое местопребывание (прим: Ист. Карамз. Т. III, стр. 34. СПб, 1830.) [13, с. 156].	...воть Новгородская исчезла, а в конце XII в. Новгородцы находят на Вятке многочисленное и сильное племя вотяков [11, с. 296]. Новгородцы на пути в Вятку видели роскошную природу Волжских берегов, не соблазнились Камскими привольями, а поселились в пустынной Вятке [11, с. 296]. Недалеко от устья Вятки выстроили они на Каме городок, поднявшись от этого городка вверх по Каме до устья Осы, новгородцы высадились на берег и начали наступательное движение против вотяков. Густыми лесами шли они к западу до вотской реки Чепцы. Здесь они сели на суда и поплыли вниз по реке... [11, с. 297]

4	Вотьяки часто воевали с этими пришельцами, но будучи не в силах одолеть их, скрылись в лесах Вятской области [13, с. 156].	Вотьяки долго боролись с незваными гостями, но должны были уступить возраставшей постоянно силе новгородцев [11, с. 297].
5	Итак, вотяки были соседями и данниками Новгородцев, когда обитали в земле Финской, они стали соседями Новгородцев и на Вятке и нокорились им [13, с. 156].	
6	...в лесах Малмыжского уезда водятся медведи, волки, олени, лисицы, куницы, близ некоторых рек выдры, норки, бобры (прим. Ред: За достоверность не ручаюсь) [12, с. 222]. Места, которые занимали вотяки были богаты дарами природы. Здесь было множество лесов... в лесах водились разные звери: медведи, волки, олени, лисицы, куницы, белки, горностаи, зайцы, близ рек бобры, норки (прим: В Уватуклинской волости и ныне есть олени. Бобры нападают на реке Луцуну) [14, с. 127].	В тех непроходимых лесах, которыми в то время так богаты были Вятские берега водилось много хищных зверей: здесь рыскали лисицы, куницы, белки горностаи, олени и проч. (прим.: В глуши Слободского уезда в <?>ской стороне они водятся и теперь [11, с. 296].
7	...они уверены и в бытии злого духа или дьявола, коего называют шайтаном; думают, что этот шайтан не состоит в зависимости от бога, самовластен и находит удовольствие в том, чтобы ненароком истреблять болезнями и несчастиями. Поэтому вотяки приносят жертву богу небесному, приносят и злему духу [12, с. 204].	Вотьяк нажил смиренную покорность злой силе природы, которая всей тяжестью давила его. Вотьяк признал ее за нечто высшее себя, преклонился перед ней. Здесь происхождение верования его в шайтана, злобного духа вселенной, который столь страшен для вотяка, что один взгляд на изображение шайтана – простую налку с прищипленной к ней козлиной бородой – приводит в трепет вотяка [11, с. 296].

Вятке хотел видеть необходимую связь» безосновательно. Возможным источником для высказанного Курочкиным предположения о тождестве води и удмуртов (вотяков) могло бы послужить указание В.Н. Татищева о происхождении удмуртов от новгородских «вотов», которое можно встретить в некоторых его географических работах и первоначальных вариантах 1 части I тома «Истории Российской». В частности, в рукописи «Истории», которую в 1746 году он послал в Академию наук, им было изложено мнение, что удмурты – это потомки «вотов» (води) – народа, жившего «по Неве меж Ладожского озера и реки Нарвы» в Вотской пятине Великого Новгорода [17, с. 66]. Продолжая работать над своим историческим трудом и получив в 1748 году возможность ознакомиться с так называемой Иоакимовской летописью, В.Н. Татищев даже

вносит в свои построения некоторые уточняющие детали, а именно, он связывает время переселения вотяков-удмуртов на Вятку с событиями иасильственного крещения Новгорода («от утеснения или паче от крещения в сии места вселились» [18, с. 428]), о которых повествует указанная летопись. Однако известно, что в последний год своей жизни В.Н. Татищев кардинально пересмотрел точку зрения относительно этого мнимого тождества. В заключительном варианте I тома «Истории Российской», который был опубликован Г.Ф. Миллером в 1768–1769 годы и формально мог быть доступен Курочкину (впрочем, последний ни где не обнаруживает свое знакомство с работой Татищева), основоположник русской историографии четко проводит различие между водским («вотским») населением Вотской пятины и удмуртам (вотяками), которые «от русских названы от реки Вятки» [18, с. 146]. Столь же сомнительно знакомство Курочкина и с работой П.И. Рычкова «Топография Оренбургская» (1762) [9, с. 98–99], в которой в отношении происхождения удмуртов приводятся ранние версии В.Н. Татищева, почерпнутые из предварительных вариантов I части I тома, высланных русским историком П.И. Рычкову «для ознакомления» (во всяком случае, у П.И. Рычкова нет указания на самоназвание воды, вернее на финское слово – *vadjalaiset*, которым в своих построениях оперирует Курочкин). Таким образом, гипотезу о тождестве прибалтийско-финского народа *водь* (самоизв. *vadjalaizot*), проживавшего в Новгородской административной единице «Вотская пятина», и вотяками-удмуртами, несмотря на всю ее экзотичность, следует с большой вероятностью признать, учитывая крайне малую вероятность знакомства с работой П.И. Рычкова, оригинальным «изобретением» Н.И. Курочкина, которое было повторено в анонимной публикации 1859 году⁵.

⁵ Протоиерей с. Дебес Стефан Шубин в своей рукописи, направленной в 1848 году в ИРГО, но не опубликованной, высказывается в том же ключе: «По общему всех отзыву вотяки происходят от финского племени, что доказывается сходством их в чертах лица и тела с финским народом, но сами вотяки о сем ничего не знают» (цит. по [19, с. 232]). Трудно допустить, что священники из глухой удмуртской глубинки имели возможность непосредственного знакомства с антропологическим типом финнов. Скорее всего, здесь мы видим отражение ранних литературных источников: Военного лексикона и др. (см. выше). Кроме того, С. Шубина с Н.И. Курочкиным объединяет то, что оба они учились в Вятской Духовной семинарии, где в числе прочих предметов изучали и Российскую историю. Нельзя исключать того предположения, что здесь их могли познакомить хотя бы в общих чертах с различными гипотезами этногенеза удмуртского народа, среди которого им предстояло служить; мысли Рычкова или Татищева могли быть известны кому-либо из преподавателей семинарии, а произведения этих авторов могли быть в фонде библиотеки учебного заведения. Кроме того, преподаватели истории могли излагать и собственные версии этногенеза удмуртов. Иными словами, иной первоисточник озвученной гипотезы пока не установлен.

Несомненно, автор текста, опубликованного в 1859 году, был знаком с предыдущими публикациями Н.И. Курочкина: чего стоит полное тождество в описании фаунистического состава и пассажа об оленях на территориях Вятской губернии, населенных удмуртами. И если в публикации 1851 года (см. Табл. 3, строка 6) – это упоминание вызывает скепсис редактора, то в статье 1852 года наш герой приводит уточняющие ремарки насчет олений и бобров, призванные усилить степень правдоподобности его свидетельств. Этот же прием использует и аноним в публикации 1859 года. Однако, Слободской уезд, на который ссылается аноним, находится гораздо севернее с. Водзимонье, где с 1832 до конца 1870-х годов проживает священник Никандр Курочкин. Тем не менее, можно обоснованно полагать, что наш герой имел возможность познакомиться с фаунистическим составом Слободского уезда: детство и юность он провел в с. Верхосвятицком Глазовского уезда, в непосредственной близости от границы Слободского уезда. Кроме того, еще в 1812 году его дядя Николай Захарьевич Курочкин по окончании семинарии был произведен в священники с. Волковского Слободского уезда, и Никандр Ильич вполне мог состоять в переписке со своей родней.

Явное тематическое сходство представляет собой и пассаж о шайтане (см. Табл. 3, строка 7). Несомненно, авторы обоих текстов с одинаковых позиций описывают генезис языческой религии и достоверно, как свидетели, передают субъективное содержание культа.

Итак, автор более поздней статьи, несомненно, был знаком с публикациями священника Курочкина, но по какой-то причине не упоминает о них в своем историографическом обзоре. Тому могут быть две причины: либо автором является сам Никандр Ильич⁶ либо, автором являлся человек из той же «системы», для которого упоминание имени Курочкина, на тот момент находившегося в опале, могло привести к «неприятностям по службе».

Но был ли автором данного текста сам Никандр Ильич? Сомнения в его авторстве возникают, прежде всего, потому, что автор анонимной статьи не только проявляет гораздо более широкую историческую эрудицию, но и цитирует работы Герберштейна и других историков, которые наверняка не были доступны сельскому батюшке. Трудно предполагать, что Никандр Ильич имел возможность поездок в библиотеку губернской Вятки для знакомства с научной литературой: из его биографических данных известно, что ни денег, ни времени у него для этого не было. После того, как в 1843 году он потерял

⁶ Возможно, такие авторские ссылки удалялись в ходе редакционной правки: так в рукописи статьи Вотяки Малмыжского уезда есть ссылка на статью Курочкина о кладах, а в журнальном варианте эта ссылка опущена: см. наст. издание.

жепу, у него осталось иа содержании пятеро детей и престарелая мать. Видимо, он искал в науке спасение от жнзиениных неурядиц. Но беды преследуют его: вскорости умпрают четверо его детей и малолетние впуки, в 1852 году он иачинает злоупотреблять алкогелем, получает служебные взыскания и в 1856 году теряет место священника, т.к. был выведен за штат [20]. Конечно же, такая обстановка не способствовала его самообразованию. Кроме того, «проштрафившийся» священник вряд ли мог получить благословение церковного иачальства иа публикацию статей под своей подписью.

Следует отметить и стилистические расхождения рассматриваемых текстов: в публикации 1859 года в одной колонке текста [11, с. 296] трижды употреблен термин «гипотеза», которого мы не встретим в статьях Курочкина. Причем такое употребление происходит при полном отсутствии синонимов: автор явно любит «играть» иностранным термином. Вообще, в целом лексикой данной публикации, на наш взгляд, заметно богаче язык известных статей Н.И. Курочкина.

Заключение

Таким образом, можно обоснованно предполагать, что автором (соавтором) статьи, которая была опубликована без подписи в Вятских губернских ведомостях в 1859 году мог явиться человек «из круга Н.И. Курочкина»: его родственник или коллега. Либо текст, написанный самим Курочкиным, был потом в значительной степени переработан научным редактором. Иными словами, идейные и тематические сходжения, несмотря на некоторые различия стиля, на наш взгляд, в значительной степени усиливают гипотезу о причастности Н.И. Курочкина к данной публикации.

Литература и источники

1. *Коробейников А.В., Туранов А.А.* Священник Н.И. Курочкин: у истоков удмуртской этнологии // Библиотека как культурно-исторический объект: традиции и тенденции развития, социальные функции: материалы науч. конф. / Киров. Обл. науч. б-ка им. А.И. Герцена. Киров, 2007. С. 186–195.
2. *Спицын А.А.* Систематический указатель статей местного отдела неофициальной части ВГВ (1838–1890) : в 2-х вых. Вятка, 1890–1891.
3. Военный энциклопедический словарь. Ч. 1–14. / Изд. Общ. Военных и литераторов; под ред. Барона Зедлера. СПб. 1837–1852, 1852–1858.
4. *Хомяков М.М.* О краниологическом типе Чепецких вотяков в связи с общим развитием восточной народности. Антропологическое исследование. Казань: Типография Императорского университета, 1910. 294 с.
5. *Ильин Я.И.* Рой книг. Собрание книг и статей об удмуртах (вотяхах) областных и виобластных (с 1762 до половины 1928 гг.). Ижевск, 1929.

6. *Миллер Г.Ф.* Описание животных в Казанской губернии языческих народов... СПб. : Императорская Академия Наук, 1791. 99 с.

7. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российской империи народов. Ч. I. С. 48–57.

8. *Паллас П.С.* Путешествия по разным провинциям Российской империи. СПб. 1773–1778. Об удмуртах. Ч. III. 2 пол. 1778. С. 29–51.

9. *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа : Китап, 1999.

10. Нечто о характеристике племени, обитающих в Вятской губернии // ВГВ. 1842. № 2. С. 5–6.

11. Исторический очерк происхождения вотяков и поселения их в Вятской губернии. ВГВ. 1859. № 42. С. 295–297.

12. *Курочкин Н.И.* Вотяки Малмыжского уезда Вятской губернии // ВГВ. 1851. № 24. С. 200–204.

ВГВ. 1851. № 25. С. 210–214.

ВГВ. 1851. № 26. С. 220–223.

13. *Курочкин Н.* О воти или вотяках, о переселении их из финской страны в вятскую. ВГВ. 1852. № 19.

14. *Курочкин Н.* Древние вотяки иа Вятке и некоторые черты образа жизни их. ВГВ. 1852. № 16. С. 126–130.

15. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 3. СПб, 1830.

16. *Уо Д. К.* «Анатолиевский сборник» и проблемы вятского летоисчисления // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи (К 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга): Материалы Международного научного симпозиума / отв. ред. В. В. Низов. Киров, 1997. С. 336–354.

17. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. М.–Л. : Наука, 1964.

18. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. I. М.–Л. : Наука, 1962.

19. *Луппов П.Н.* Христианство у вотяков в первой половине XIX в. // Труды ВУАК. Вып. 1-2. Вятка, 1911. 568 с.

20. ЦГА УР. Ф. 30. Оп. 1. Д. 8.

НАЧАЛО СЛУЖЕНИЯ

Никандр Ильич Курочкин – сын русского сельского священника. Курочкины – старинная фамилия священно- и церковнослужителей Вятской земли: уже в первой половине XVII века один из Курочкиных был протоиереем Вятского кафедрального собора [1, с. 60]; в XVIII веке несколько поколений Курочкиных служили в церквях Нолинского уезда. В XIX веке представители фамилии распространились по всей Вятской губернии. Его отец – Илья Захарьевич Курочкин (1780–1814) – после окончания богословского курса в Вятской духовной семинарии и жеиитьбы, 19 декабря 1804 года был произведен в священники и определен в Глазовский уезд на свободное штатное место к Срегенской церкви с. Зоиского [2, л. 1 об. – 2]. (Село это иногда называли просто Зои; удмуртское название – Зои-Шудзи). Вместе с ним, разумеется, поехала и его молодая жена Евдокия Прокопьевна.

Приход в селе Зои был достаточно старый; он был открыт еще в 1759 году Первоначально в него вошли селения, выделенные из приходов удмуртских сел Мултаи и Водзимоиье. Церковь в селе была деревянная «в проименование сретенья господня без приделов», освящена 2 февраля 1762 года [3, л. 867 об.], «двоеприходная» – имела двойной штат причта [4, л. 17]. В первом десятилетии XIX века население прихода было почти чисто удмуртским. Этим обусловлен был состав причта: «*вотский разговор знает*», – отмечено в клировых ведомостях против имени большинства служителей.

Именно здесь, в удмуртском с. Зои-Шудзи, 4 ноября 1806 года в семье молодого священника родился сын. Уже на следующий день 5 ноября младенец был крещен и назван Никандром [5, л. 315 об.], в соответствии с православной традицией.¹ Таинство крещения совершил священник Георгий Вознесенский. Он же стал и крестным отцом младенца. Это обстоятельство в последующем, возможно, сыграло свою роль в судьбе Никандра, повлияло на определение места его службы.

В начале XIX века в России проводилось реформирование системы церковного управления, происходили изменения и в Вятской Епархии. Коснулись они, в частности, прихода села Зоиского: по-видимому, несколько селений из него были причислены к другой церкви. Количество прихожан стало

¹ При крещении принято давать имена тех святых, дни номиновения которых приходились на день рождения или крещения ребенка или близко к нему. По старому стилю на 4 ноября приходились дни номиновения Никандра Мирского и Никандра Городноезерского [6; 7].

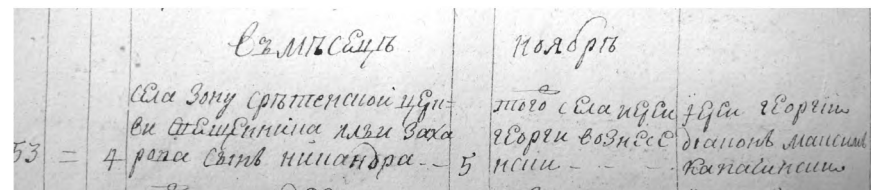

Рис. 1. Занись о рождении Никандра Курочкина в метрической книге Срегенской церкви села Зои за 1806 год [5, л. 315 об.].

недостаточным для содержания двойного причта, и штат был сокращен². В связи с этим 12 января 1808 года Илья Курочкин был переведен к Ильинской церкви села Верхосвятыцкого³ Глазовского уезда [2, л. 1 об.].

Здесь, помимо службы, ему пришлось заяться и делами, связанными со строительством новой церкви. Действующая в селе церковь была «деревянная, построена 1762го года с позволения Преосвященнейшаго Варфоломея, во имя Ильи Пророка, с приделом Димитрия, Митрополита Ростовскаго» [2, л. 1 об.]. В 1806 году была выдана храмоздательная грамота на строительство каменной церкви, которая и была выстроена к 1812 году. Однако отделка и украшение церкви затянулись – разразившаяся война потребовала привлечения значительных сил и средств, что отразилось и на церковной казне и на состоянии хозяйства прихожан.

Можно считать, что для того времени карьера священника Ильи Курочкина складывалась удачно. Церковь была двухштатной – еще один священник хотя и был старше Курочкина годами, но семинарского образования не имел, поэтому и занимал второе место. Все население прихода – русские, что не вызывало языковых трудностей в общении с прихожанами. Родственников при церкви (что не поощрялось церковными порядками) у священника не было. Сам Илья Захарьевич был на хорошем счету у благочинного и ежегодно получал от него положительные характеристики: «*честной жизни и порядочного поведения, в должности исправен*» [8, л. 7]. Все это располагало к основательному обустройству в селе, обзаведению собственным домом и домашним хозяйством.

Вот в такой обстановке, на лоне сельской природы, вблизи речки с благозвучным именем Святыца и вокруг строящейся каменной церкви, прошло

² В 1805 году церковь значится двухприходной, в ней 322 приходских двора с 2832 «душами» обоего пола [9, л. 42]; а в 1810 году церковь уже одноприходная, в ней 298 приходских дворов с 2500 «душами» [10, л. 28 об.].

³ Сейчас это село Ильинское Фаленского района Кировской области.

раннее детство Никандра Курочкина. Его можно было бы назвать благополучным, если бы не пришла беда.

В то время одним из самых распространенных заболеваний была чахотка (совр. – туберкулез легких). Жертвами болезни становились люди всех возрастов, социальных слоев и национальностей. Заболел чахоткой и Илья Захарьевич Курочкин. Эффективных средств лечения тогда еще не было, и печальный исход был заранее предсказуем. У нас нет точных сведений о продолжительности болезни; как минимум она длилась несколько месяцев – последние священнодействия в церкви он совершал в июне 1814 года, почти за полгода до смерти [11, л. 356]. Можно предположить, что в этот период произошло обострение болезни, не оставлявшее сомнений в близком конце. Вероятно, он предпринял какие-то шаги к обеспечению условий жизни жены и сына, которые оставались в бедственном положении. Не исключено, что обговаривался вопрос о переводе на освобождающееся место его младшего брата Николая, который окончил семинарию и в 1812 году и служил священником в селе Волковском Слободского уезда.

17 ноября 1814 года в возрасте 33 лет Илья Курочкин скончался от чахотки и был похоронен в церковной ограде села Верхосвятицкого [11, л. 371].

После смерти мужа Евдокия Прокониевна обратилась к Епархиальному начальству с просьбой о переводе в с. Верхосвятицкое его брата, и Николай Захарьевич Курочкин был «переведен... указом духовной консистории 1814го года, ноября 26го дня, для пропитания вдовы с ее сыном, равно и для призрения над домом ея» [12, л. 2 об.]. В скором времени новый священник перевез и свою семью.

В семьях священно- и церковнослужителей после потери кормильца возможность выучиться и занять высокое положение в обществе становилась доступной не для всех: далеко не каждому хватало способностей, терпения и средств окончить полный курс семинарии, необходимый для занятия священнической должности. Никандру Курочкину это удалось.

Обучением Никандра начал заниматься, по-видимому, еще отец – всем служителям церкви вменялось в обязанность заниматься воспитанием и обучением своих чад. Имеются сведения, что в конце 1814 года (в 8 лет) Никандр «обучает псалтир» [12, л. 3], значит первые две ступени «стандарта образования» того времени (азбука и часослов) были им уже пройдены. Следовательно, учиться он начал, как и многие дети священников, в 6–7 лет. Дальнейшим его образованием занимался, вероятно, дядя – Николай Курочкин либо кто-то из членов причта.

В 10-летнем возрасте Никандр поступил в Вятскую духовную семинарию. Обучение и содержание учеников в семинарии осуществлялось, как правило, за счет их родителей. Однако заботу о детях малообеспеченных церковнослужителей и детях-сиротах епархиальное руководство нередко брало на себя. Так

случилось и с Никандром: ведомость за 1818 год сообщает нам, что он «обучается в Вятской семинарии в информаторическом классе на полном казенном коште» [13, л. 836].

В России в этот период происходит реформирование системы духовно-школьного образования. В конце 1818 года в соответствии с новым уставом была преобразована и Вятская духовная семинария. В результате реформы семинария сделалась средним духовно-учебным заведением, но с законченным богословским курсом. Низшие же (первые четыре) классы были выведены из ее состава и обучавшиеся в этих классах ученики должны были обучаться в устраиваемых по уставу 1808 года духовных училищах [14, с. 598]. Первые такие училища в Вятской губернии были открыты в Вятке (1818) и Сарапуле (1820 – приходское; 1821 – уездное). Вятское духовное училище при своем создании объединило несколько учебных заведений: приходское и уездное училища, школу при Архиерейском доме и училище при кафедральном соборе. В этом новообразованном училище и продолжил свое обучение Никандр Курочкин.

В то время произошли некоторые изменения и в семье Никандра. Отношения его матери с деверем постепенно расстроились. В 1818 году она обратилась в Духовную консисторию с прошением определить ее «к должности просфирницы в церковь села Зонского» и о взыскании со священника Николая Курочкина денег, которые он был ей должен, и о назначении опеки над оставшимся после смерти мужа имением [15, л. 128]. Духовная консистория удовлетворила эти прошения и определила ее на должность уже в сентябре [15, л. 108]. Постепенно разрешился и вопрос с имением мужа. Евдокия Прокониевна переехала в село Зонское, где уже в 1819 году приобрела небольшой дом. Для обеспечения содержания Никандра в духовном училище он был зачислен в этом же селе на должность пономаря. Так судьба вторично свела Никандра Курочкина с селом, где он родился, и церковью, где был крещен. Вероятно, в эти же годы он ближе познакомился со своим крестным отцом – священником Георгием Вознесенским⁴, уволенным за штат по состоянию здоровья в 1818 году. Ведомость Сретейской церкви села Зонского за 1819 год содержит о Никандре Курочкине такие сведения: «с 1816го года обучается в Вятском приходском училище. Содержание получает и с матерью с предоставленного того села пономарского места» [16, л. 756 об. – 757]. Впрочем, можно с уверенностью предполагать, что здесь он появлялся только

⁴ Георгий Иванов Вознесенский (1759 – после 1821) – сын священника с. Водзимонье, обучался в Казанской семинарии «до реторики», уже в 1777 году он числился дьячком в Вознесенской церкви с. Водзимонье, где прослужил до 1785 года. В священника в с. Зон «произведен Преосвященным Амвросием Архиепископом Казанским 1785го года июля 24го дня» [3, л. 867 об.]. Не исключено, что после смерти И.З. Курочкина он нярявил заботу о своем осиротевшем крестнике.

летом – ученикам отлучаться из училища дозволялось только на время отпуска. Часть летнего отпуска он, по-видимому, регулярно проводил у родственников в Верхосвятыцком – именно здесь он ежегодно исповедался и причащался.⁵

Основными предметами учебной программы духовных училищ в то время были: пространный катехизис и церковный устав, курс русской и славянской грамматики, курс арифметики, обучения церковному и юному латинскому, курс письменного перевода текстов с греческого и латинского языков, начала священной и церковной истории, курс географии [21, с. 68]. Обучение Никандра в духовном училище проходило, по-видимому, успешно. Это открыло ему дальнейшую дорогу – 1 сентября 1822 года он поступил в Вятскую духовную семинарию [22, л. 2].

Очевидно, Никандр в полной мере осознавал жизненную необходимость для него получения хорошего всестороннего образования и к учебе относился добросовестно. Шесть лет, проведенные в семинарии, не были потрачены зря, о чем свидетельствует полученный им по окончании обучения Аттестат. Семинарию он окончил 7 сентября 1828 года «с способностями превосходными, прилежанием постоянным, поведением честным» [22, л. 2].

На окончательных испытаниях «оказался успешным в науках»: Богословских, Философских, Словесности, Церковной Истории, Гражданской истории, Математических и Физических, Чтения и Толкования Св. Писания – получив хорошие, похвальные и превосходные оценки. Проявил способности он и «в языках»: еврейском, греческом, немецком и французском. По результатам обучения «Вятским Семинарским Правлением, с утверждения Преосвященнейшего Кирилла, Епископа Вятского и Слободского и разных орденов Кавалера, помещен в первый разряд Семинарских воспитанников с предоставлением ему звания и прав Студента» [22, л. 2]. А права эти для молодого человека, лишённого родительской поддержки, были совершенно излишними. Дело в том, что прежде чем быть определённым на священническое место в какой-либо церкви, выпускнику семинарии следовало: во-первых, жениться; во-вторых, дождаться появления вакантного места и добиться назначения на него. До выполнения этих условий, чтобы содержать себя, они вынуждены были служить в церкви на причетнических местах, работать учителями в приходских училищах либо жить на иждивении родителей. Выпускники первого разряда «в звании Студента» в этих условиях имели более широкие возможности для маневра. Лучшие из них могли рассчитывать на поступление в Духовную академию для получения высшего духовного

⁵ Сведения эти почерпнуты из духовных росписей с. Верхосвятыцкое за 1820 [17, л. 67], 1821 [18, л. 112], 1822 [19, л. 331] и 1824 [20, л. 1011] годы.

образования. В числе прочих преимуществ они имели право служить учителями в уездных училищах, где оплата труда была заметно выше, чем в приходских [21, с. 70].

Такой возможностью воспользовался и Никандр Курочкин – сразу по окончании семинарии он «определен в высшее отделение Сарапульского Уездного Духовного Училища Учителем» [22, л. 2], и 10 сентября 1828 года Вятским Семинарским Правлением было отправлено предписание Смотрителю Сарапульских духовных училищ о введении его «по надлежущему» в класс [23, л. 102 – 102 об.]. Годовое жалование учителей уездных училищ в епархиях 2-го разряда (каковой являлась и Вятская) по штату составляло 150–200 рублей [21, с. 270–271] и было сопоставимо с доходом священников сельских приходов. По тому времени оно могло обеспечить приличную жизнь и содержание семьи. Но все же в перспективе большинство выпускников семинарии становились священниками – для этого их учили, к этой миссии готовили.

Теперь вопрос был только в выборе невесты. Духовное сословие в то время было достаточно замкнутым в плане брачных связей; молодые выпускники семинарий вынуждены были подыскивать себе жену, как правило, среди дочерей священно- и церковнослужителей. При этом, разумеется, был и встречный интерес, правда зачастую не столько со стороны невест, сколько со стороны их родителей, которые стремились «пристроить» своих дочерей. Случалось, что молодых сводили родители и родственники, а сами же их и невеста до свадьбы почти не были знакомы [24]. Вероятно, и в случае с Никандром не обошлось без влияния родственных связей – слишком юной была невеста: исполнилась пятнадцать лет!⁶ Так или иначе, а мать его будущей жены приходилась родной сестрой зятю (мужу сестры) Георгия Вознесенского, крестного отца Никандра.

Бракосочетание Никандра Курочкина состоялось 28 января 1830 года в Христорождественской церкви села Нылга-Жикья [25, л. 18].

Жена его, Клеопатра Григорьевна, родилась в середине 1815 года, в семье священника удмуртского села Нылга-Жикья Сарапульского уезда Григория Пименовича Никулина (1774 – после 1832) [3, л. 477 об. – 478]. Дед ее, Пимен Демидович Никулин (1748 – после 1815) – заштатный дьячок Христорождественской церкви этого села [3, л. 480 об. – 481]. Мать, Параскева Петровна (1773 – ?) – дочь священника с. Вавож Петра Никитовича Несмелова (1740 – 1796) [26, л. 2]. Клеопатра была четвертым ребенком в семье, к тому же родители уже находились в том возрасте, который заставляет задумываться о будущем

⁶ Св. Синодом в XVIII веке был определен возраст вступающих в брак – не менее 15 лет для мужчин, и 13 лет для женщин. В середине 1830 года брачный возраст был увеличен до 18 и 16 лет соответственно [29, с. 567].

Копия.

Аттестатъ.

Объявляемъ сему Никандру Курочкину, Вдѣльнѣ Саранскѣ
Педоговѣ Курочкѣ сына Веравотанскаго удѣльнаго Стефанна
Ильи Курочкина сына, а именно жилъ онъ роду 22 года, 1822 года
Сентября 15 дня поступилъ въ Вятскую Семинарію и совершилъ
въ оной учебныя курсы

съ способностями преподавателя,
прибавляемъ постановивши,
повѣряемъ составивши,
на основаніи выше означеннаго экзамена удовлетворилъ
въ казенной должности оныхъ орденовъ,
Филологическаго { оныхъ похвалено,
Словеснаго {
Церковнаго Исторіи { собрано,
Гражданскаго Исторіи {
Математическаго и Физическаго { похвалено,
Ученія и толкованія Св. Писанія преподавателя,
отъ оныхъ: Еврейскаго { собрано,
Словеснаго { похвалено,
Английскаго { собрано,
Французскаго { собрано не было.

и Вятскаго Семинарскаго Правленія, о учрежденіи преподаванія
и бытности Курочкина, Стефанна Вятскаго и Сословнаго
разныхъ орденовъ Кавалера, похвалено въ периодъ времени
Семинарскаго воспитанія отъ преподаванія сему зданію и
прото Стрелана и орденовъ отъ Высшаго Сибирскаго Уезднаго
Директора Губернатора Губернатора.

Во удостовѣреніе что и сему Курочкину отъ
Вятскаго Семинарскаго Правленія сего Аттестатъ за
подписаніемъ подписано и приложенъ казенный печатъ
1828 года Сентября 7 дня.

Семинарскій Ректоръ, Водосвѣтъ Николай Прохоровъ,
Иртышскаго Директора
Испекторъ; Филологическаго курса Профессоръ
Михайло Вятскій
Съ подписаніемъ на сего Илья Курочкина, Вдѣльнѣ Саранскѣ
Воспитанія Курочкина Илья.
Секретарь П. Козловъ.

детей. Возможно, именно эти обстоятельства и послужили причиной раннего брака матушки Клеопатры – родители опасались, что не успеют устроить ее судьбу⁷.

Таким образом, обязательное условие для посвященія в сан иерея было выполнено, и 5 апреля 1830 года Никандр Ильич Курочкин был произведен в священники Богоявленской церкви села Нечкино⁸ Сарапульского уезда [27, л. 10 об.]. Чтобы не нарушать учебный процесс, он продолжал выполнять и должность учителя в Духовном Училище, – только 10 сентября 1830 года по собственному желанію он был уволен из училища с Аттестатом [28, л. 462 об.]. Совмещая обязанности, успевал он и в церкви – в этот неполный год прочитаны им были три проповеди, и был он, по усмотренію благочиннаго, «поведения хорошаго» [27, л. 11].

Приход Богоявленской церкви с. Нечкино состоял преимущественно из русских удельных крестьян, но немало было и новокрещенных удмуртов. И здесь следует заметить, что затруднений у Никандра в общении с удмуртами не было по причине «знанія его наречія их» [30, л. 57 об.].

Мы не имеем точных сведений, где и когда он освоил удмуртский язык, поэтому рассмотрим этот вопрос в хронологическом порядке. Предположение, что он начал понимать удмуртскую речь в раннем детстве, кажется нам маловероятным, поскольку каких-либо указаний о знаніи языка отцом его или матерью для того периода мы не обнаружили. Кроме того, уже после смерти отца, в ведомостях о церкви с. Верхосвятицкаго (например, за 1815 год) сообщается: «В приходе ни вотяков, ни черемис нет, а потому священно-и церковнослужители ни водскаго, ни черемискаго языка не знают» [3, л. 925–928]. А раз вокруг ни кто не говорит на удмуртском, то и научиться ему было не от кого. Изучение «местных или соседских языков народов населяющих имперію» предполагалось ввести в программу уездных духовных училищ [21, с. 68–69], но в Вятской епархии осуществлено, по-видимому, не было. Среди семинарских же предметов его быть не могло. Логично предположить, что освоение Никандром удмуртского языка началось с переездом его матери

⁷ Это предположение основано на логике поведения священнослужителей, приведенной в [24], при отсутствии подробных сведений об обстоятельствах жизни родителей Клеопатры.

⁸ Было ли обусловлено его назначеніе в Нечкино какими-то причинами личного характера или выбор этот был случаен – просто место здесь освободилось – мы не знаем. Но, исходя из последующего хода событий, является догадка, что будущее место его службы с точностью до благочинническаго округа могло быть определено вместе с выбором жены (до 1835 года Водзимонье и Нылга находились в одном округе – Нылгинском благочиніи [28, л. 441 об., 446]). В этом случае назначеніе к Нечкинской церкви с самого начала рассматривалось как временное.

Рис. 2. Копія Аттестата об окончаніи семинаріи, представленная Н.И. Курочкиным в Саранульское уездное духовное училище, выполнена им собственноручно [22, л. 2].

в удмуртское село Зои, то есть с 1819 года. Имеем здесь в периоды летних каникул в общении со сверстниками (в абсолютном большинстве своем удмуртами) и были наилучшие условия для усвоения языка и разговорной практики. Здесь же можно было и найти и помощь, и пример для подражания – все служители местной церкви хорошо знали удмуртский язык. Впрочем, в ведомости о причте Сретейской церкви уже за 1819 год в графе о знании языков общая запись «*вотской разговор знают*» относится и к Никандру (ему 13 лет), и к его матери [16, л. 757].

Но вернемся в начало 1830-х годов.

В беспокойное время⁹ довелось Никандру служить в Нечкино. Летом 1831 года в связи с введением поземельного сбора начались волнения удельных¹⁰ крестьян в Галаиновском, Каракулиновском, Козловском, Мостовиновском и Нечкиновском приказах¹¹ Сарапульского уезда. Уже в начале июня управляющий Вятской удельной коиторой доносил вышестоящему начальству, что «*крестьяне тех приказов отказываются от платежа оброка за оказавшуюся у них сверх коренных участков излишнюю землю*». Будоражили крестьян и распространявшиеся «злонамеренными людьми» слухи, что введение поземельного сбора

⁹ Во второй половине 20-х – начале 30-х годов XIX века осуществлялось реформирование удельной деревни. Ключевым моментом реформы было введение общественной закладки – собранный на этих полях хлеб составлял продовольственные запасы на случай неурожая, а излишки его продавались. Полученные таким образом средства нукались на приобретение породистого скота, внедрение новых агрономических технологий, устройство сельских школ, больниц и ветеринарных пунктов. В начале 1830 года подушный оброк был заменен поземельным сбором. Поземельный сбор уменьшал участки отводимой крестьянам земли («коренные участки»), отрезанные же «излишки» крестьяне вынуждены были брать в аренду за дополнительную плату. С целью концентрации и укрупнения удельных имений был произведен взаимный обмен части удельных и государственных земель. Таким образом, предполагалось достичь более равномерного распределения земли между крестьянами, поднять урожайность зернового хозяйства, повысить доходность удельной деревни в целом. Однако на селе популярности эти мероприятия не имели и вызвали массовые волнения удельных крестьян в ряде губерний.

¹⁰ Удельные крестьяне (до 1796 года дворцовые) феодально-зависимое сельское население России, проживавшие на удельных землях и принадлежавшие императорской фамилии. Члены императорской семьи «по нервоводству», имеющие право на престол, содержались на государственные средства, а не имеющие такого права – на доходы, собираемые с удельных имений. Все удельные имения управлялись Департаментом уделов с министром во главе. Ему подчинялись губернские удельные конторы. Вятские удельные земли были разделены на два имения, одним из которых ведало отделение конторы в Сарануле. Имение было разделено на мелкие административные единицы – приказы, управлявшиеся штатом чиновников.

¹¹ В этих пяти приказах числилось 21 440 крестьян [31, с. 657].

есть и что иное, как «*вид подписки их за барина*» [31, с. 195–196]. Предпринятые попытки утихомирить крестьянские волнения к успеху не привели.

Желая лично удостовериться в справедливости получаемых сообщений, испытать все способы к укрощению волнения, и, «*дабы в случае нужды предупредить дальнейшее возмущение принятием решительных мер к усмирению бунтующих, по сношению тогда с губернским начальством для истребования из ближайших мест военных команд*» [31, с. 197–198], управляющий Вятской удельной коиторой выехал в Сарапульский уезд. Побывав во всех приказах, он встретил «*упорство не только ко введению поземельного сбора, но к закладке впродоль обществ. полей, постройке магазинов, платеже приказчикам, головам и прочим старшинам большого, по их мнению, жалованья, говоря что у казенных поселян таких расходов нет*». «*Крестьяне, собираясь на сходки <...> не внимали никаким увещаниям, опровергали все нововведения на пользу их установленные, и, почитая оные незаконными и без высочайшей воли изданными, кричали, что «под сим только предложением хотим нас отдать в помещицье владение», что они, отягощаясь платежом оброка, который взыскивается с них и скоро и строго, желают быть в казенном ведомстве...»* [31, с. 201]. Удостоверившись, что крестьяне «*совершенно вышли из границ повиновения приказным начальникам, чиновникам удельным и земской полиции, останавливая тем всякое течение дел*» [31, с. 202], управляющий вернул в Вятку. По высочайшему повелению было разрешено использовать для усмирения крестьян воинские команды.

Сбор вониской команды осуществлялся с середины июля по начала августа. В это же время в Вятку прибыл чиновник Департамента уделов, который после согласования плана действий [31, с. 657] отправился во взбунтовавшиеся приказы. Прибыв 19 июля в Нечкино, он «*узнал, что во всем удельном имении Сарапульского уезда мятеж возник до высочайшей степени и что буйная чернь самовольно устраняет голов и писарей, составляет свое правление и на тайных сходках уничтожает все постановления о поземельном сборе, не признавая над собою никакой власти*» [31, с. 205]. По-видимому, страсти накалились настолько, что грозили перейти в насилие; в раноте Вятскому губернатору от 21 июля сообщалось, что в Нечкино «*голове и писаря крестьяне порывались убить и, может быть, совершили бы сие злодеяние, если бы тамошний священник не спас их на чердаке своем*» [31, с. 658]. Вместе с тем чиновник отметил и то, что и все крестьяне настроены ожесточенно к правительству. Часть из них (например, в том же Нечкино), готовы покориться воле правительства и беспрекословно выполнять лежащие на них обязанности [31, с. 206].

В 20-х числах июля с теми же задачами – предпринять новые попытки успокоить волнения – в Сарапульский уезд прибыли управляющий Вятской

удельной коиторой, советник губернского правления и 4 священника, командированные Вятским епископом. Между тем разошлись по уезду и слухи о предполагаемом введении воинской команды, что, по-видимому, охладило многие головы. В первых числах августа крестьяне Галаиовского, Каракулииского и половиина крестьян Нечкииского приказов *«торжественно свидетельствовали готовность свою повиноваться воле государя, правительству и всем законным распоряжениям относительно введения поземельного сбора, и при этом ограничились подачей общественного приговора «о нуждах и некоторых неудобствах в отношении хозяйственного их состояния»»* чиновнику Департамеита [31, с. 213]. В остальных же приказах действия делегации чиновников и духовенства успеха не имели. Более того, в Козловском приказе крестьяне *«произвели явный мятеж»* так, что принудили управляющего тогда же смеить голову и писаря [31, с. 214].

В конце первой декады августа в Сарапул приехал Вятский губернатор, и *«явился отряд башкирцев из 500 человек состоящий»*. 9 августа губернатор в сопровождении чиновников и воинской команды побывал в с. Мостовииском. Видя проходивших через село казаков, крестьяне не проявили *«ни шума, ни дерзости, ни самого упорства»*, выпуждени были прийти к повиновению, и согласились на все внушения губернатора. *«Народ, кажется, начал приходить в спокойное состояние»* [31, с. 215]. После усмирения крестьян Мостовииского приказа такой же «визит» был и в Козловский приказ. Но не везде успех был безоговорочным. Чиновник Департамеита писал министру, что крестьяне некоторых деревень и в присутствии воинской команды продолжали оказывать сопротивление, предлагают свои условия платы оброка и других повинностей, а также отказались дать обещание в безусловном повиновении правительству [31, с. 658]. Впрочем, воинских столкновений, по-видимому, удалось избежать.

Зачинщики и наиболее активные участники волнений были арестованы.

А в конце августа 1831 года в Сарапуле начался военный суд над ними [31, с. 658].

Во время крестьянских волнений вовлечено было в ход события духовенство. По просьбе управляющего удельной коиторой преосвященный Кприлл, епископ Вятский и Слободской, предписал духовенству Сарапульского уезда, *«чтобы оно, по долгу своего звания, употребило усердие в увещании возмущившихся крестьян, дабы действующие по внушению злонамеренных не могли подвергнуться с оными равной участи»*. При необходимости Преосвященный готов был и сам отправиться в Сарапульский уезд для личного увещания [31, с. 204].

В некоторых случаях действия духовенства имели заметный успех. Так 19 июля *«по отпяти молебна благочинный с. Нечкина увещевал народ обратиться на путь истины и именем церкви призывал каждого к покорности царю*

и власти законной. Казалось, доброе слово пастыря привело в чувство ожесточенных, и люди, не подходившие до сего часа к кресту, толпились вокруг священника с приметным раскаянием, которое служило доказательством познания ими собственных заблуждений» [31, с. 205–206]. Но чаще крестьяне были глухи к увещаниям священников, уклонялись от посещения церкви. Так в с. Мостовииском *«отвергнуты были убеждения религии, и дерзость людей простиралась до такой степени, что никто не вошел даже в церковь, говоря иные, что у них рубашки не чисты и закон возбраняет идти в церковь, другие, что они позавтракали, а иные, что их звали не в церковь, а на сходку»* [31, с. 213]. С большим или меньшим успехом, а свою «мпротворческую» роль священники выполнили добросовестно. О четверых из них императорский указ гласил: *«за оказанное ими содействие к прекращению мятежа, возникшаго между удельными крестьянами Сарапульского уезда наградить из установленных для белого духовенства знаков отличия: протоиереев: Города Сарапула Вознесенскаго Собора Петра Анисимова наперстным крестом, села Мазунинскаго Стефана Мышкина камилавкою и села Нечкинскаго священника Евдокима Феофилактова скуфьею, а протоиерея Камско-Водкинскаго Завода Благовещенскаго Собора Василия Блинова причислить к Орденоу Св. Анны третьей степени»* [32, л. 22].

Каких-либо конкретных сведений о нем и действиях Н.И. Курочкина во время происходивших волнений на сегодняшний день мы не имеем. Да это и понятно – он был в Нечкино вторым священником и, по правилам субординации, оставался в тени благочинного священника Евдокима Феофилактова, когда тот проявлял *«отличное усердие при утишении смятений»* [32, л. 41]. А действия его, очевидно, направлены были на решение тех же задач – постараться предотвратить массовые беспорядки, успокоить прихожан, уберечь, не дать им дойти до такой степени неповиновения, которая повлечет применения к ним суровых мер наказания.

Уже после усмирения волнений Курочкин Никандр Ильич *«в 1831^м году, по Указу Вятской Духовной Консистории и с утверждения Преосвященнейшаго Иоанникія¹², бываго Епископа Вятскаго и Слободскаго был увещавателем при военном суде, учрежденном по Нечкинскому приказу, по случаю возмущения удельных крестьян против начальства»* [28, л. 178 об., 73 об.]. В обязанности его входило, очевидно, воздействуя на крестьян через их религиозные чувства, не допустить возникновения новых волнений в ходе подготовки и проведения заседаний суда. Однако в этот период он, по-видимому,

¹² Так в источнике (зачислены в 1849 и 1853 годах); в действительности вятским архиереем был еще Кирилл (до 24.01.1832) [32, л. 139].

заболел. К концу года здоровье его расстроилось настолько, что он обратился к епархиальному руководству с просьбой освободить его от исполнения возложенной на него должности. Ответ, данный указом от 12 января 1832 года гласил: *«приняв во внимание причины в прошении оном прописанные, уволить священника Курочкина от уездной должности при военном суде о неповиновении начальству уездных крестьян, с тем впрочем, чтобы он исполнял оную касательно крестьян Нечкинского прихода, а увещание крестьян других приходов возложить на местных священников тех сел, в коих ведомстве будет производим оный суд»* [30, л. 138, 138 об.]. Впрочем, суд уже подходил к концу и 26 января 1832 года он вынес свой приговор¹³.

После введения порядков жизнь вернулась в свое прежнее русло, хотя и во время волеий служения в церкви не прекращались. Люди рождались и умирали, происходили другие важные события в семьях крестьян, в деревнях, и священники исправляли все требы, служили молебны, без которых немислима тогда была жизнь православного крестьянина. Помимо прочего, на священниках, окончивших семинарию, лежали и проповеднические обязанности – нести в народ Слово Божие, укрепляя их в вере. В каждом духовном правлении составлялось расписание «о сказывании проповедей своего сочинения священнослужителями» в течение года, которое утверждалось в духовной консистории, и должно было неукоснительно выполняться. Так, согласно расписанию, в 1832 году Никандр Курочкин должен был прочитать две проповеди в Вознесенском соборе Сарапула [30, л. 228, 229 об.] и пять при своей церкви в Нечкино [30, л. 232], [32, л. 336, 336 об.]. Безусловно, подготовка проповедей, как и любая самостоятельная работа, имела большое значение и для самих священников, так как заставляла их развиваться, делала ум их гибким, расширяла кругозор.

А между тем судьба священника Курочкина готовилась сделать поворот... Сегодня мы не знаем, кто явился инициатором его перевода в с. Водзимонье Малмыжского уезда. Думается, что родственные связи сыграли в этом деле не последнюю роль. Напомним, что Водзимонье – родное село крестного отца Никандра Георгия Вознесенского. Его младший брат, Антоний Вознесенский, в это время служит в Водзимонье священником. Там же служит дьяком Василий

¹³ Этот приговор был изменен министром внутренних дел 10 мая 1832 года. Кабинет Министров и Николай I утвердили предложения министра. По окончательному приговору 24 человека подвергались различным телесным наказаниям (шницрутены, плети, батоги), после чего четверо из них ссылались в крепостные арестанты в Оренбург, и 6 – на поселение в Сибирь; 27 крестьян следовало выдержать по 2 недели при уездных приказах с употреблением в работу. 24 августа 1832 года приговор был приведен в исполнение [31, л. 658].

Садальский, – дальний родственник Курочкина (жены их – двоюродные сестры). А дьяком соседнего села Вавож Андрей Никули – дядя жены. Очень вероятно, что и Григорий Никули – отец матушки Клеопатры, служа с Благодичным в одной церкви, хлопотал за зятя. Для самого Никандра привлекательной, вероятно, была перспектива выйти из тени более опытного священника и проявить себя в большом Водзимонском приходе.

Важно, однако, и то, что существовала объективная необходимость назначить в Водзимонье хорошо образованного, деятельного священника, способного к проповедничеству. Дело в том, что Водзимонский приход был одним из немногих приходов, где к началу 1830-х годов численность язычников-удмуртов оставалась высокой¹⁴, кроме того, были здесь и некрещенные марийцы. В начале 1830-х в Вятской епархии вообще характеризуется возобновлением миссионерской деятельности. Другой причиной была необходимость продолжить строительство церкви, кладка стен которой была окончена в 1829 году, после чего работы приостановились.

Очевидно, молодой священник Николай Курочкин произвел благоприятное впечатление на Нылгинского Благодичного иерея Алексея Виноградова. По долгу обязанностей тот наблюдал за поведением священно- и церковнослужителей округа и, вместе со своими предложениями, докладывал об этом в консисторию. В одном из рапортов в 1832 году он сообщал, что *«Благочиния его села Водзимонья священник Тимофей Якимов по неоднократно сделанным им Благочинным замечаниям, ныне, оказывается совершенно неспособным к продолжению своей должности: 1^е) потому, что он находится уже в преклонных летах и здоровьем слаб; от роду ему 61 год, 2^е) ведет себя, весьма во многих случаях, очень неблагопристойно: так что подает прихожанам своим и другим лицам величайшие поводы к соблазнам и неуважению религии и служителей ея, 3) прихожан своих, особенно новокрещан вотяков и по незнанию вотского языка и по малому разумению правил закона Божия, как не учившийся в Семинарии, и сверх того по своей беспечности христианским обязанностям не учит; и 4^е) о строении вновь создаваемой в том селе Водзимонье каменной церкви никакого попечения не прилагает, хотя и надлежит ему употреблять свое особенное содействие к тому по должности священнической: так как производство строения сего лежит на ответственности священно- и церковнослужителей, а более священников»* и, ссылаясь на эти обстоятельства, просил Духовную консисторию

¹⁴ Даже в 1837 году их насчитывалось здесь 437 человек – более 13 % некрещенных удмуртов губернии и почти 20 % жителей уезда [33, с. 75]. По ведомости 1842 года в приходе язычников: удмуртов – 136, марийцев – 14 [28, л. 345].

«означенного священника Якимова, или удалить от должности, тем более, что и он сам не дорожит оною как сознавался в том, или перевести к другой церкви, а на место его переместить Сарапульской округи села Нечкина Богоявленской церкви Священника Никандра Курочкина, как весьма способного не только просвещать учением закона Божия новокрещен вотяков, по причине знания его наречия их и достаточного и основательного звания правил христианского учения, но и с большим успехом заниматься строительной частью по церкви, для которой он, как окончивший курс Богословских наук, весьма нужен потому что при одной другой священник Антоний Вознесенский то же не учился в семинарии. Священник же Курочкин на перемещение его в село Водзимонское изъявил свое согласие» [30, л. 56–57 об.].

Одновременно Никандром Курочкиным было подано в консисторию прошение о переводе его в село Водзимонье к Вознесенской церкви. Рассмотрев дело, консистория постановила «уволить его Священника Якимова в заштат на пропитание родственников, с предоставлением прав в случае надобности, просить пособия от попечительства, на место его согласно изъявленному желанию и мнению местного Благочинного, определить Сарапульской округи села Нечкина Священника Никандра Курочкина» [30, л. 58–58 об.]. После утверждения решения Преосвященнейшим 14 ноября 1832 года был издан указ о переводе. С этой даты и начинается отсчет службы Никандра Курочкина в Водзимонье, где он не только принял деятельное участие в строительстве храма, но и занялся научной работой, став корреспондентом Русского географического общества.

Источники и библиография

1. ВЕВ. 1867. № 2. отд. духовно-литературный.
2. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 467.
3. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 479^а.
4. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1062.
5. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1820.
6. День Ангела. Справочник по именам и именинам. Режим доступа: <http://www.rodon.org/other/daspiii.htm>
7. Православие в Татарстане. Жития святых на ноябрь. Режим доступа: <http://kazan.eparhia.ru/gitiysvytih/november3/>
8. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 440.
9. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 434.
10. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 438.
11. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1862.

12. ЦГА УР. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1.
13. ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 37.
14. Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Т. II. Вятка, 1881.
15. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 97.
16. ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 38.
17. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1461.
18. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1487.
19. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1502.
20. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1521.
21. Тинина З.П. Самодержавие и Русская Православная Церковь в первой четверти XIX века. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 1999. 284 с.
22. УДАА г. Сарапула. Ф. 5. Оп. 1. Д. 35.
23. УДАА г. Сарапула. Ф. 5. Оп. 1. Д. 34.
24. Леонтьева Т.Г. Женщины из духовного сословия в самодержавной России / Женщины. История. Общество : Сб. науч. тр. Вып. 1. Тверь 1999. Режим доступа : <http://www.tvergengerstudies.ru/pbbk002r.htm>
25. ЦГА УР. Ф. 363. Оп. 1. Д. 3.
26. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1059.
27. УДАА г. Сарапула. Ф. 17. Оп. 1. Д. 701.
28. ЦГА УР. Ф. 30. Оп. 1. Д. 8.
29. Энциклопедический словарь. Т. 8. Бос-Бунчук. Репритное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. 1890. «ТЕРРА» – «TERRA», 1990.
30. ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 3. Д. 143.
31. Крестьянское движение в России в 1826–1849 годы : Сб. документов. М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1961. 984 с.
32. ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 3. Д. 142.
33. Луппов П.Н. Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911.

КАТЕХИЗАТОР И КОРРЕСПОНДЕНТ
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Конец первой трети XIX века в Вятской Епархии характеризуется возобновлением проповеднической активности. Для утверждения в христианской вере инокрещенных удмуртов, проживавших в Глазовском, Малмыжском, Елабужском и Сарапульском уездах и «заведения там школ для успешнейшего обращения и утверждения в православной вере сего народа», в 1830 году было вновь учреждено миссионерство [1, с. 5]. В каждом уезде был назначен священник-миссионер из числа наиболее способных и активных проповедников.

Очевидно, что и назначение в Водзимоиский приход такого священника, как Никандр Курочкин – хорошо образованного, способного к проповеднической деятельности и знающего удмуртский язык – отвечало требованиям времени, и руководство епархии возлагало на него большие надежды, которые оказались неисчислимыми: уже к концу 1836 года он «обратил от язычества к правосерию пятнадцать человек из вотякского поколения» [2, л. 422 об.]; в 1844 году документы отмечают, что он «обратил от язычества в правосерию сорок девять человек из вотского поколения и просветил их Св. Крещением и раскольников из секты перекрещенцев в правосерию четырех человек» [2, л. 294 об.]. Кроме того «с 1835го года по 1838го год <он> проходил должность Духовного депутата» [2, л. 394 об.], представляя интересы церкви и паствы в органах управления Малмыжского уезда. Такая подвижническая деятельность его была отмечена епархиальным руководством: 5 декабря 1849 года «за прохождение депутатской должности и обращение в правосерию 52-х человек <он> награжден набедренником от Преосвященнейшего Неофита Епископа Вятского и Слободского» [2, л. 156 об.].

Благодаря отсутствию языкового барьера в общении с прихожанами-удмуртами и совершенствованию своих проповеднических способностей и неустанным труду на этом поприще¹ за время своей службы в Водзимоенье Курочкин «в разные времена обратил из язычников в правосерию шестьдесят два человека вотского племени и просветил Св. Крещением их, и раскольников из секты перекрещенцев обратил в правосерию четырех человек» [2, л. 8 об.].

¹ В период службы в Водзимоенье священник Курочкин ежегодно читал от одной до семи проповедей и нощений. Применялось им и такое средство приобщения прихожан к христианским знаниям, как чтение книг. Среди них: книги Пророческие Исаии и Иеремии, Толкование Иоанна Златоуста, Поучения Кирилла Архиепископа Иерусалимского, Библия, книга «Истина религии против неверия Натуралистов», Священное Писание, Пролог, Творения Святых отцов (в русском переводе), Христианское и Воскресное Чтения и духовные журналы [2].

Следует отметить, что в этот период состав населения в Водзимоиском приходе заметно изменился, стал неоднородным. В 1830-е годы значительно усилилась миграция на территорию прихода крестьян из центральных уездов Вятской губернии. Кроме того, в результате «переселенческого бума» к началу 40-х годов XIX века население прихода сильно увеличилось. Основную часть потока переселенцев составляли православные русские крестьяне; кроме того, сюда переселилось несколько семей марийцев – крещеных и некрещеных; заметным оказалось и количество старообрядцев. Деятельность по обращению последних в лоно православной церкви была еще более трудной, чем крещение язычников, и эта обязанность возлагалась на приходских священников.

Справедливости ради следует сказать и о том, что все эти трудности легли на плечи не одного только Никандра Курочкина, так как в середине 1830-х годов штат священно- и церковнослужителей Водзимоиской церкви заметно усилился. В 1835 году на место умершего Аитония Вознесенского был переведен его сын Петр Вознесенский (1810–1878). Вследствие увеличения количества прихожан в «1836-м году прибавили еще один причт, состоящий из одного священника и одного причетника» [2, л. 421], третьим священником стал Иоани Симеонович Шубин² (1812–1877). А в 1841 году этот третий причт «дополнен определением второго диакона и пономаря» [2, л. 363 об. – 364]. Оба новых священника с успехом окончили полный курс Вятской духовной семинарии; как и Курочкин, они были причислены к вышеступшим 1-го разряда. Можно считать, что сложившийся к концу 1830-х штат служителей Вознесенской церкви Водзимоенья оказался одним из самых образованных в благочинническом округе, да и в уезде. И этому «коллективу» удалось в течение нескольких лет изменить положение с христианизацией прихода – если еще в 1837 году здесь насчитывалось 437 некрещеных, то уже к концу 1842 года количество язычников уменьшилось до 150 [2, л. 345], в 1847 году – до 93 [2, л. 211], а с 1850 года язычники в отчетах по приходу не упоминаются вовсе!

Помимо просвещения приходского населения, много сил от Никандра Курочкина потребовали в этот период и заботы по строительству в с. Водзимоенье новой каменной церкви, с продолжением которого, собственно, и связывался перевод его в это село.

Отвлечемся ненадолго от темы и подумаем: многие ли из нас точно знают, когда и каким образом они приобрели те или иные знания, способности?

² И.С. Шубин отличился выдающимися успехами на миссионерском поприще, вследствие чего в 1847 году был «определен в должность Миссионера для обращения и утверждения в православной вере новокрещенных и оставшихся в язычестве обитателей по Сарапульскому, Елабужскому и Малмыжскому округам» [3, л. 605 об.].

Зачастую мы сами себе не можем ответить на вопрос – учил ли нас кто-то этому? А задумавшись, понимаем, что многое мы знаем с детства: ведь именно в детстве мы приобретаем порой совсем не детские умения и навыки, которые потом оказываются востребованными во взрослой жизни. Причем в детстве из любопытства мы усваиваем многое без всякого напряжения, как бы само собой. Даже если никто не учит нас чему-то целенаправленно, некоторые понятия взрослой жизни усваиваются нашим сознанием, откладываются в памяти в то время, когда мы наблюдаем, как работают взрослые, чаще – родители. И в последствии эти знания мы воспринимаем не как результат обучения, а как полученные естественным путем – это и есть часть нашего жизненного опыта.

Напомним, что детство Никандра Курочкина прошло рядом со строящейся каменной церковью в селе Верхосвятицком, причем его сознательные годы пришлось на тот этап строительства, когда кирпичные работы на стройке были уже выполнены. Именно здесь в том возрасте, когда все легко запоминается, он имел возможность наблюдать весь комплекс работ по внутренней и наружной отделке церкви, ее росписи, украшению «церковным благолепием» и само освящение. Сходную ситуацию застал он и после перевода в Водзимонье – голая кирпичная коробка церкви с зияющими проемами окон. Вот тут-то, очевидно, и пригодились ему те наблюдения и «насмотренный опыт», полученный в детстве, а также навыки, развитые и дополненные во время обучения в семинарии. Поэтому предстоящая работа по строительству его не пугала. Впрочем, физическую работу

Рис. 2. Вознесенская церковь с. Водзимонье. Современный вид.

производили все-таки строители³, а на священников возложена была задача наблюдения за ходом, контроля над правильностью и качеством производимых работ, занимались они и привлечением средств на строительство.

19 лет прошло от начала возведения храма до освящения его главного престола⁴. К сожалению, в настоящий момент сколько-нибудь подробными сведениями об участии и личном вкладе в строительство каждого из служителей церкви мы не располагаем. Поэтому приведем здесь краткую хронологию хода работ и лишь тех этапов строительства, которые производились в присутствии Никандра Курочкина, имея в виду при этом, что выполнены они и его усердием.

1830–1834. Строительство приостановлено. Кладка церкви и колокольни окончена в 1829-м году, но снаружи и внутри они не отделаны.

1835. Церковь и колокольня покрыты железной кровлей.

1836. Церковь и колокольня выбелены, выкрашены, снабжены оконными рамами и крестами; в придельных храмах устроены полы и печи.

1837. Церковь и колокольня «... снаружи устроены, кроме предположенных трех рундуков; теплая церковь внутри штукатурена; поделаны в ней печи, пола и двери; в сем году начато сооружение двух придельных иконостасов; настоящий холодный храм остается еще внутри без устройства» [2, л. 408].

1838. В первом теплом приделе освящен престол во имя Рождества Христова.

1839. Во втором теплом приделе освящен престол во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

1840–1842. Вероятно, велась внутренняя отделка, роспись... Отмечается, что со стороны подрядчика «... по условию недоработано три рундука и двои железные решетчатые двери» [2, л. 371 об. – 372].

1843. «... Настоящая холодная <церковь> внутри оштукатурена, полы насланы, но иконостасов еще нет, так же и рундуки: с северной равно и южной стороны при оной устроены, кроме входного западного, который совсем еще не отделан» [2, л. 308].

1845. Доделан западный рундук. Сделан иконостас холодной церкви, но еще в беле, без живописи и позолоты.

1847. 10 ноября освящен главный престол во имя Вознесения Господня.

1855. Вокруг церкви устроена каменная ограда с железными решетками.

³ Подрядчиком строительства был «крестьянин Нижегородской Губернии Балахнинского уезда деревни Гумнищей вотчины генерал-майора князя Василия Алексеевича Урусова Федор Гаврилович сын Гюрин». В эти же годы им строится каменная Богоявленская церковь в с. Завьялово Саранульского уезда [4, л. 3]. В 1840-х он строит колокольню церкви в соседнем с Водзимоньем с. Вавож, и более значимое строение – храм Александра Невского в губернском г. Вятке [2, л. 347 об., 352].

⁴ Подробнее об истории церкви и прихода в с. Водзимонье см. [5].

В начале XX века храм этот несколько расширили пристройками с севера и юга, но основные черты его сохранились. Впрочем, было это уже без Курочкина...

И все же, какими бы ни были заслуги Никандра Курочкина в деле церковного строительства и просвещения удмуртов святым крещением, в историю Удмуртии он войдет в первую очередь как ученый-этнограф и краевед, один из первых...

Первые попытки начать целенаправленную работу по сбору и фиксации сведений краеведческого характера при церквях Вятской епархии, по-видимому, были предприняты в начале 1830-х годов. Тогда «*по случаю отправления по высочайшей воле действительного статского советника барона Штиллинга⁵ в Иркутскую губернию для собрания сведений касающихся до наук*» Вятской консисторией было дано предписание всем церквям епархии о том, что бы при проезде по территории губернии он был допущен к церковным библиотекам «*по предположению высшего правительства тому, что при церквях находятся какие-либо исторические записки*». Неизвестно, воспользовался ли даниной возможностью ученый, но в свете этого указания Благодатный Яраиской Троицкой церкви священник Поликарп Кувшинский, представил Преосвященному Кириллу рапорт, в котором говорилось: «*как священно- и церковно-служители его благочиния никаких записок такого рода не ведут, то неблагоприятно ли будет приказать завести при каждой церкви книги под названием достопамятные записки в кои бы записывали особенной важности случаи относящиеся до истории отечества и епархии о появляющихся эпидемических болезнях (какова была холера) и вместе вели бы каждого села историю церкви в состав коей могут входить бесчисленные подробности*». Идея была одобрена, и 29 декабря 1831 года был издан Указ, который гласил «*предположение о записывании достопамятностей при каждой церкви привести в исполнение по всей епархии*» [6, л. 332 – 332 об.]. И все же, указ этот носил скорее рекомендательный характер – по-видимому, строгого надзора за его исполнением не было. А, кроме того, во всех церквях уже велись и отправлялись в вышестоящие инстанции клпровые ведомости единого образца по различным вопросам деятельности церкви, состоянию прихода и происходящих в них изменениях.

⁵ Речь, по-видимому, идет об экспедиции в Восточную Сибирь «для обследования положения местного населения и состояния торговли у северных и западных границ Китая», руководил которой действительный статский советник барон Павел Львович Шиллинг (1786–1837) – общепризнанный в России ученый-востоковед, физик, изобретатель телеграфа. В 1830–1832 годах экспедиция работала в Забайкалье, в Монголии, областях, смежных с Китаем. Помимо выполнения официальных задач, ее руководитель занимался сбором и описанием памятников литературы, прежде всего, тибето-монгольской. Как по своему составу, так и по объему, превысившему шесть тысяч наименований, собрание Шиллинга заняло уникальное место в отечественной востоковедческой науке [7].

Поэтому, возможно, ведение «достопамятных записок» многим священно- и церковнослужителям представлялось излишним. Кроме того, как казалось, повседневная действительность была малоинтересна, а события достойные внимания будущих историков происходили в приходах нечасто – о книге для их записки просто не вспоминали... Так или иначе, а идея эта со временем оказалась забытой – во всяком случае нам не известны случаи ведения в 1830-х годах подобных «записок» в удмуртских уездах. Впрочем, в последующие десятилетия церковь неоднократно еще возвращалась к мысли о необходимости сбора исторических сведений⁶.

Во второй половине 1830-х начали свою деятельность Вятский статистический комитет (1835) и первая в губернии местная газета «Вятские губернские ведомости» (1838), сыгравшие значительную роль в изучении истории, этнографии, экономики края. А открытие в 1845 году Русского географического общества стало новым стимулом для развития краеведения и этнографии. Наиболее образованные люди могли теперь заниматься изучением края не только для удовлетворения своего интереса или служебных нужд, но и получили возможность публиковать свои краеведческие работы в «Губернских ведомостях» и изданиях Географического общества [9, с. 234–235].

Без сомнения, обо всем этом, как и об упомянутом выше Указе должен был знать и Никандр Курочкин. И в этой связи представляется несправедливым интерес, проявленный им при сборе сведений об истории Водзимоиского прихода; событиях, происходивших здесь в давние времена; о традициях и быте народов, его населяющих. По всей видимости, для выявления значимой информации, им были исследованы документы, отложившиеся в архиве Вознесенской церкви с. Водзимоиья⁷ [10, с. 150]. Огромный интерес вызвали

⁶ Например, 12 октября 1866 года Св. Синод издал указ, в котором рекомендовал завести при церквях летописи. За ведением церковноприходских летописей контроль должны были осуществлять благочинные священники. Полнота содержания летописи зависела от личности того, кто ее вел. Многие отнеслись к делу добросовестно и творчески, оставив для потомков интересные сведения. Но далеко не все священники понимали значимость таких летописей. И хотя (формально) летописи должны были составляться в каждом приходе, почему-то в архивах, например, в фондах ЦГА УР их сохранились лишь единицы [8, с. 33–34].

⁷ По-видимому, архив этот не имел на тот момент какой-либо строго упорядоченной системы и представлял собой простое хранилище бумаг, зачастую разрозненных и перемешанных так, что иногда трудно было даже определить происхождение того или иного текста. Вот лишь один пример – Курочкин пишет: «Между семи документами нашел я довольно подробное описание походов Пугачева. Откуда оно взято, не объяснено: но, во всем признакам, оно справедливо» [10, с. 150]. В руках Курочкина были, вероятно, лишь отдельные листы рукописной книги, анализ приведенного текста которой показал, что это фрагмент Манифеста «О преступлениях казака Пугачева» от 19 декабря 1774 года (полный текст см. [13, ст. 14.230, с. 1064–1067]).

у него и находки на территории прихода в 1841 и 1846 годах кладов серебряных монет XV–XVI веков, позволяющие, в частности, составить представление о времени заселения данной территории. С трепетом исследователя собрал он сведения об обстоятельствах обнаружения и составе кладов. Большую часть второго клада он приобрел у нашедшего его крестьянина. А чтобы не дать этим важным историческим находкам снова тихо кануть в неизвестность, составил описание монет и опубликовал их в печати [11, с. 143–145].

В 1847–1849 годах Императорское Русское Географическое Общество обратилось к русским образованным людям с просьбой сообщать сведения разных сторонах народного быта. Для удобства представления и единой систематизации этих сведений, Географическим Обществом была издана краткая программа в виде вопросника (см. наст. изд.). В ответ на этот призыв из Елабужского уезда Обществом было получено три рукописи. Из Сарапульского уезда протоиерей Стефан Шубин из с. Дебесы прислал «Сведения о вотяках Вятской губернии» [12, с. 7]. Сведения из Малмыжского уезда Вятской губернии стал посылать в Географическое Общество священник с. Водзимонья Никандр Курочкин.

Мы не можем пока ничего сказать о процедуре назначения лиц духовного сословия для сотрудничества с Географическим Обществом – происходило ли это по их личной инициативе, или предложение поступало от руководства епархии... Послужные списки Курочкина Никандра Ильина сообщают нам только, что он в «1848^м году, с утверждения Его Преосвященства, принял обязанность Корреспондента Русского Географического Общества» [2, л. 205 об.].

Уже в том же 1848 году «16го Сентября от Совета означенного Общества, за доставление сведений по части Этнографии, получил письменно признательность» [2, л. 205 об.]. Из этого можно заключить что, первая его корреспонденция в Общество была посвящена описанию народов, проживающих на территории прихода. Если быть совсем точным, то это была рукопись статьи «Вотяки Малмыжского уезда Вятской губернии»⁸. А менее чем через полгода «таковая же признательность от Общества изъявлена ему священнику 31го Генваря сего 1849 года за доставление сведений к определению климата» [2, л. 179 об.]. В качестве таких сведений могли выступать не только непосредственные наблюдения за погодой, но и фенологические наблюдения, а также наблюдения за обычаями, традициями и образом жизни местного населения, которые привязывались к выполнению тех или иных сельскохозяйственных работ и отражали реальные сроки сезонных изменений климата. Наблюдениям такого рода для Географического Общества были посвящены несколько лет жизни Никандра Курочкина – известно, что,

⁸ См. публикацию рукописи в настоящем издании.

начиная с 1848 года, он «в течение пяти лет от означенного общества, за доставление сведений этнографических и служащих к определению климата, получал письменно признательность» [2, л. 106 об.]. Поэтому можно ожидать, что корреспонденции эти до сих пор хранятся в архиве Русского географического общества и могут быть найдены в фондах, содержащих сведения об изучении климата и этнографии народов России. По-видимому, обобщающей работой, которая в краткой форме включила все сделанные им ранее наблюдения стала статья «Очерк Малмыжского уезда», которая была опубликована в 1853 году в «Вятских губернских ведомостях» [14] (см. наст. изд.).

Очевидно, деятельность Никандра Курочкина по призыву Русского Географического Общества не осталось незамеченной и Вятским научными кругами, в результате чего он «в 1850^м году по приглашению Вятского Губернского Статистического Комитета принял звание члена-корреспондента комитета» [2, л. 106 об.]. Результатом этого сотрудничества, вероятно, стали некоторые из его статей, опубликованных в «Вятских Губернских Ведомостях» в 1850-х годах.

Несомненно, краеведческая деятельность Никандра Курочкина могла бы добавить к истории земли Вятской и этнографии народов, ее населяющих, еще немало полезного, если бы она продолжалась подольше. Однако к середине 1850-х она научная активность священника постепенно сошла на нет. Причиной того явилось действие многих факторов.

Можно предполагать, что работы его по этнографии удмуртского народа, представляя интерес для научных организаций, в то же время не нашли понимания и поддержки у большей части современного ему провинциального русского общества. Отношение к удмуртам не как к равноправному народу в составе единого государства, а как к бесправному отсталому национальному меньшинству, которое не заслуживает изучения, в то время было свойственно отнюдь не только аппарату чиновников, а имело распространение во всех слоях общества. Иногда преисполненное отношение к «иородческому населению» могло иметь место и среди служителей церкви⁹.

Можно ожидать, что производимые Курочкиным наблюдения и записки, да и сам интерес его к жизни коренного населения, научное значение которого

⁹ Даже более полувека спустя вновь назначенный в соседнее село Вавож священник М.С. Елабужский записал в своем дневнике 14 марта 1912 года: «В Вавоже причт видимо не привык относиться вежливо к вотякам. На вотяков смотрят как на особый народ, к которому можно относиться шала-валя. Чин погребения взрослых вотяков совершается не при открытых царских вратах. При славении и молебнах для них поют меньше. Но за крестины с вотяков берут подороже, на 5 коп. и более, “кто как поддастся”»... [15].

вряд ли было понятно и простым крестьянам, и сослуживцам помогли снискать ему славу «чудака» и в своем приходе.

Все это само по себе не могло вдохновлять Курочкина на продолжение начатой работы в провинциальной глуши без постоянной моральной (да и материальной) поддержки извне. По-видимому, наложили свой трагичный отпечаток и несчастья, постигшие его в личной жизни...

Личная жизнь в Водзимоно началась традиционно для вдовь прибывающего священника – с поиска и съема квартиры. Ведомость Вознесенской церкви за 1833 год сообщает: «*Домы у священно- и церковнослужителей собственные деревянные на церковной земле, кроме Священника Никандра Курочкина, которой по недавнему прибытию в селенее Село проживает в квартире*» [2, л. 461 об.]. Впрочем, вопрос обзаведения собственным жильем был решен в течение полутора–двух лет и с конца 1834 года ведомость уже не выделяет Курочкина: «*Домы у священно- и церковнослужителей собственные деревянные на церковной земле*» [2, л. 447 об.].

Менее чем через год по прибытии в село Водзимоно, в 1833 году, в семье Никандра рождается первый ребенок – дочь Надежда. В этом же году, «на пропитание сына своего» на жительство к Никандру переехала и его мать. Это не значит, однако, что семья зажила богато. Думается, правильнее считать, что в семье появился достаток. И хотя в сельских приходах причт имел земельные наделы, а также ругу хлебом, маслом, мясом и другими продуктами – многие сильные крестьянские хозяйства могли бы похвастаться и большим доходом.

Вообще же в материальном плане духовеиство зависело от прихода, и статей дохода у сельского батюшки было не много. Во-первых, это плоды «профессиональной деятельности» – доходы, получаемые от прихожан за требоисправления, и разные приношения натурой. Во-вторых, при Вознесенской церкви было 3 десятины усадебной земли и 33 десятины насадебной и сеиокошой, относительно которых сообщается: «*Плану и межевой книги не имеется; дела о сей земле не производится; священно- и церковнослужители сею землею не владеют, а пользуются оною прихожане, в замен которой получают священно- и церковнослужители с прихожан по обоюдному согласию ругу*». Вот, вообще-то, и все... «*На содержание Священно и церковнослужителей жалованья не получается, и окладу постоянного не имеется; посему и содержание их посредственно*» [2, л. 421 – 421 об.].

В течение 10 лет жизни в Водзимоно у Курочкина родились пятеро детей: Надежда (1833), Олимпиада (1836), Петр (1837), Людмила (1839) и Александр (1843). Однако пришла и беда – 9 сентября 1843 году умерла его жена, матушка Клеопатра Григориевна [2, л. 319 об.]. Воспитывать детей теперь священнику помогает только его мать – Евдокия Прокопиевна.

А дети между тем подрастают; дочери и сыновья учатся читать и писать. Образование девочек проходит дома, длится 4–5 лет и заканчивается к 12–13 годам на стадии, как написано в документах: «*читать и писать умеет*». Сын же, Петр, как и положено детям духовеиства, идет дальше – после пары лет домашнего¹⁰ обучения в 8 лет он уже умеет и читать, и писать, и в 1847 году поступает в Сарапульское духовное приходское училище сразу в высшее отделение. Но в Сарапуле учится он только год и, по каким-то причинам, со следующего года продолжает обучение в высшем отделении духовного приходского училища в городе Нолинске. Здесь учится еще два года, а затем в 1850 году поступает в Елабужское духовное уездное училище. В 1849 начинает обучение – «*учится читать*» – и младший сын священника, Александр [2, л. 180 об.].

Однако 1850 год принес Никандру Курочкину новые беды – 20 мая «от горячки» умирает дочь Олимпиада [16, л. 398 об.]. С этого же года в ведомостях о причте перестает упоминаться сын Александр – по-видимому, он тоже умер. Вероятно, корреспонденции для Русского Географического Общества и Вятского Губернского Статистического Комитета, которые он пишет в эти годы, позволяют Никандру отвлекаться от горьких мыслей. Представляется, однако, вероятным, что имели в это время он начал злоупотреблять вином.

В 1851 году, 24 августа дочь Курочкина Надежда была выдана замуж за Наставника приходского училища села Сунского Нолинского уезда Александра Алексеевича Луппова (1827 – ?) и уехала к мужу. В конце июля 1852 года, у супругов рождается дочь Ольга – внучка Никандра Ильича Курочкина [17]. И в том же 1852 году указом от 24 октября А.А. Луппов, «согласно прошению своему», переведен в Водзимоно на место Наставника сельского приходского училища [2, л. 78 об.]. Как показали дальнейшие события, у тестя с зятем сложились хорошие отношения.

В этом же 1852 году Никандр Курочкин «с утверждения Его Преосвященства, учинен Катехизатором при Водзимоноской Вознесенской церкви» [2, л. 107 об.]. Но от глаз Благочинного не ускользнуло появившееся пристрастие священника к «винопитию», вследствие чего «священник Никандр Ильич Курочкин Указом Духовной консистории от 8 октября за нетрезвое поведение вызван в Архиерейский дом для усмотрения» [2, л. 113 об., 129], где и проводит целый месяц.

Но судьбе не угодно было остановить на этом несчастья Курочкина – 12 июня 1854 года умирает его сын Петр, а 25 августа того же года – дочь Надежда, жена Александра Луппова. В результате «Священник Никандр Курочкин за нетрезвое

¹⁰ В 1845–1856 годах в с. Водзимоно существовало сельское приходское училище. Но, в отличие от детей других священно- и церковнослужителей, указаний об обучении в этом училище детей Никандра Курочкина обнаружить пока не удалось.

поведение был вызван на два месяца в Вятский Успенский монастырь» [2, л. 41 об.].

Известно, что уже в XVIII веке церковь пыталась бороться с проявившимся пристрастием некоторых священно- и церковнослужителей к чрезмерному употреблению спиртных напитков. При этом сначала делались попытки путем увещания помочь им избавиться от пагубной привычки, роняющей авторитет церкви в глазах прихожан. Если это не удавалось, церковь прибегала к различным мерам наказания – от штрафов до увольнения из духовного звания (в исключительных случаях) с переводом в состав податных слоев населения. В середине XIX века в Вятской епархии уже не было кадрового дефицита служителей церкви, и наблюдение за благопристойностью их поведения стало более строгим. Вероятно, Епархиальное начальство увидело в состоянии Курочкина и сложившейся у него сложной жизненной ситуации опасность к возобновлению им нетрезвой жизни, и сочло необходимым удалить его со службы. 23 января 1856 года Никандр Ильин Курочкин был уволен за штат [18, л. 449 об.]. И уже 12 марта того же года на его место назначен новый священник, недавний выпускник Вятской семинарии Михаил Петрович Афанасьев [3, л. 608 об.].

С этого времени жизнь Никандра Курочкина потекла в стороне от эпицентра духовной жизни прихода – он оказался не у дел, предоставленным самому себе. Вполне естественно, что сведения о нем в клпровых ведомостях стали очень бедны информацией. Имели поэтому достоверных фактов этого периода его жизни нам известно немного.

Конечно, он по-прежнему общался с теми людьми, среди которых жил уже много лет, поддерживал отношения с родственниками – в мае 1857 даже стал поручителем бывшего зятя, А.А. Луппова, при его вступлении во второй брак [19, л. 117 об.]. Возможно, не оставил он совсем и своих научных наблюдений.

Более насущным, однако, стал для него вопрос изыскания средств существования. Сельские священники не имели больших накоплений. Оказавшись за штатом, «на своем содержании», Курочкин вынужден был вести весьма скромный образ жизни. В начале 1857 года младшая дочь Никандра, Людмила, единственная оставшаяся в живых из пятерых его детей, «вступила в супружество с пономарем сей церкви» Димитрием Бердниковым; на более выгодные партии дочерям заштатных священников рассчитывать, как правило, не приходилось [3, л. 580 об.]. Бердников в Водзимонье определен был незадолго до того, и жить молодые стали, по-видимому, в доме Курочкина, а в клпровых ведомостях появляется запись: «Бывший при сей церкви священник Никандр Курочкин проживает в собственном доме на содержании зятя своего сей церкви пономаря Димитрия Бердникова» [3, л. 578 об.]. Впрочем, условия брака, по-видимому, не предусматривали практиковавшихся в то время

обязательств зятя по содержанию престарелых родителей жены. И в 1860 году «пономарь Дмитрий Бердников по прошению своему, переведен в новооткрытое село Халдинское Малмыжского уезда» [3, л. 482 об.]. В 1865 он переводится в с. Зятцы Малмыжского уезда [20, с. 317], а через год опять меняет место службы – след его теряется...

В 1860 году отмечается: «Глазовского уезда села Верхо-Святыцкаго умершаго Священника Ильи Курочкина жена, вдова Евдокия Прокопиева; живет у сына заштатного священника Никандра Курочкина; на пропитание свое получает из попечительства десять рублей» [3, л. 480 об.]. С 1864 года пособие это увеличивается до восемнадцати рублей в год. Сам же Курочкин в этот период живет «на своем содержании», изыскивая на существование какие-то непостоянные и неизвестные источники дохода и, вероятно, занимаясь приусадебным хозяйством. Никакого пособия от Епархии он не получает вплоть до 1868 года. В 1868 году утверждаются «Временные правила о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям епархиального ведомства и семействам их» предусматривавшие полную пенсию 70 рублей из Государственного Казначейства за 35 лет беспорочной службы [21, с. 42, 45]. Существовало в епархии и попечительство о бедных лицах духовного звания, пособия из которого были значительно меньше, т.к. формировались из пожертвований действующих священно- и церковнослужителей. У Курочкина стаж был неполных 26 лет, да и формулировка увольнения за штат нам не известна. Из какого источника назначили ему пособие, мы не знаем, но известно, что с 1868 года он «на содержание свое получает из попечительства двадцать пять рублей в год» [3, л. 286 об.]. Так на 43 рубля в год весьма скромно и существуют Никандр с матерью, пока в 1875 году Евдокия Прокопиевна не умрет в возрасте 90 лет.

В преклонном возрасте находится и сам Никандр. Помнит ли о нем дочь? Внучка? Вспоминают ли его хоть изредка Курочкины – двоюродные братья и сестры, с которыми он жил когда-то в Верхо-Святыцком? Последнее достоверное свидетельство известное нам о Курочкине – запись в клпровой ведомости за 1878 год: «Бывший в штате сей церкви священник Никандр Ильин Курочкин, 73 <лет>. Живет в собственной избе. На пропитание от попечительства получает 30 рублей» [3, л. 10 об.].

На сегодняшний день мы не можем назвать последнюю дату жизни Никандра Ильина Курочкина. И последнюю точку в его биографии ставить еще рано. Это не мешает, однако, уже сейчас напомнить современникам имя краеведа, сохранившего для нас сведения по многим вопросам истории удмуртского народа. Нигде в печатных источниках ни дореволюционного, ни советского, ни постсоветского периода биография этого человека опубликована не была.

Представляется, что даже из читателей Вятский ведомостей мало кто знал, какой человек скрывается за подписями «*Курочкин Н.*», «*С.Н. Курочкин*», «*Н. Курочкин*». Поэтому составленная нами биография Никандра Ильича Курочкина является первым жизнеописанием, которое призвано развеять туман неизвестности вокруг этого незаурядного человека.

Литература и источники

1. *Луттов П.Н.* Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX века. Вятка, 1911.
2. ЦГА УР. Ф. 30. Оп. 1. Д. 8.
3. ЦГА УР. Ф. 30. Оп. 1. Д. 9.
4. ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 3. Д. 133.
5. *Туранов А.А.* Вавож. Возимонье. Первое столетие православных приходов. Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2006. 81 с.
6. ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 3. Д. 108.
7. П.Л. Шиллинг и его телеграф. Режим доступа: <http://articles.excelion.ru/science/history/teh/48209043.html>
8. Православные храмы Удмуртии : Справочник-указатель. Ижевск : Изд-во «Удмуртия», 2000. 480 с., илл.
9. История Удмуртии. Конец XV – начало XX века. Ижевск: УИИЯЛ УрОРАН, 2004. 552 с.
10. *Курочкин Н.* Пугачев. ВГВ. 1847. № 24 (часть неофициальная).
11. *Курочкин Н.* Клады, или Старинные серебряные деньги Царей и Великих князей Московских, найденные в земле близ вятских селений в Малмыжском уезде. ВГВ. 1847. № 23 (часть неофициальная).
12. *Зеленин Д.К.* Этнографические сведения об удельных крестьянах подгородных деревень Елабужского уезда // Известия Общества Изучения Прикамского края. Сарапул, 1917.
13. Полное собрание законов Российской Империи. Т. XIX. 1830.
14. *Курочкин Н.* Очерк Малмыжского уезда. ВГВ. 1853. № 18–19.
15. Дневники прот. Михаила Елабужского – последнего настоятеля Свято-Никольской церкви с. Вавож (Удмуртия) до ее закрытия в 1938 г.: Тетрадь 1. Режим доступа: <http://pravosludm.narod.ru/lib/melabug/dn0101.html>
16. ЦГА УР. Ф. 30. Оп. 1. Д. 30.
17. ЦГА УР. Ф. 30. Оп. 1. Д. 31.
18. НАРТ. Ф. 992. Оп. 1. Д. 221.
19. ЦГА УР. Ф. 30. Оп. 1. Д. 35.
20. ВЕВ. 1865. № 23 (отд. официальный).
21. ВЕВ. 1868. № 2 (отд. официальный).

РУКОПИСЬ «ВОТЯКИ МАЛМЫЖСКОГО УЕЗДА»: публикация и комментарий

История и характеристика рукописи

В 1847–1848 годах Русское географическое общество (с 1850 года – Императорское; сокращению ИРГО) разослало в количестве 7000 экземпляров во все уголки России специальную этнографическую программу, которая послужила основой работы краеведов на местах. Программа включала 6 разделов для сбора информации:

- относительно иаружности иарода;
- о языке;
- о домашнем быте;
- об особенностях общественного быта;
- об умственных способностях и образовании иарода;
- о народных преданиях и памятниках.

К 1852 году Общество получило в ответ на свою Программу почти 2000 текстов, авторами которых были представители широких масс сельской интеллигенции: учителя, врач, статистики, священники.

Можно полагать, что несколько экземпляров Программы поступило в Вятское Епархиальное управление, а оттуда – к приходским священникам. Некоторые из них представили свои рукописи Обществу¹. К тому времени Никандр Курочкин имел уже опыт публикации своих произведений: его статья о кладах вышла в Вятских губернских ведомостях и, предположительно, в Журнале министерства народного просвещения (см. далее). Возможно, были у него и другие публикации. Поэтому описание удмуртов по предложению программы, скорее всего, не вызвало у него затруднений. Точный маршрут движения его рукописи не известен: можно лишь предполагать, что текст был прочитан и одобрен Епархиальным начальством, а затем представлен заказчику: на титульном листе в левом верхнем углу наискосок имеется номер 539 и дата – 20 августа 1848 года. Можно догадываться, что это регистрационный входящий номер Епархиальной канцелярии. В свою очередь, в правом верхнем углу проставлен тем же почерком № 141; логично полагать, что это исходящий номер, под которым документ был отправлен в Петербург. В архиве ИРГО рукопись значится под № 24; этот номер стоит тут же, чуть ниже отметки «№ 141».

¹ Установлено, что с территории Вятской губернии пришло более 60 ответов, а из Казанской губернии – более 100. Выявление и публикация всех текстов, поступивших в ИРГО от краеведов с территории Вятской губернии, являются самостоятельной задачей, которая входит в наши ближайшие планы. (Здесь и далее примечания под цифрами принадлежат авторам, а под звездочками – Н.И. Курочкину.)

Рукопись выполнена чернилами на листах белой нетолстой качественной бумаги формата 180x230 мм. Листы пронумерованы от 1 до 20 в правом верхнем углу. Следы линования не видны, а расстояние между строками везде одинаковое; можно предполагать, что при письме под лист подкладывался трафарет. Текст написан без помарок и исправлений с обеих сторон листа; причем, на просвет заметно, что текст оборота листа во всех случаях находится между строк фронтальной стороны листа. На всех листах, кроме первого, и на всех оборотах с левой стороны имеются поля одинаковой ширины – 25 мм. По левому краю листы сшиты белой нитью в тетрадь, на картоной обложке которой наклеена прямоугольная со срезанными углами бумажка с надписью в 4 строки, которая выполнена чернилами почерком, отличным от почерка рукописи: «№ 24–Курочки Н.– Вотяки Малмыжского– уезда».

Вся рукопись выполнена единым устойчивым почерком, но явно в несколько приемов. На последней странице имеется сделанная тем же почерком, и даже с некоторой претензией на каллиграфию, подпись. Таким образом, можно заключить, что вся рукопись была написана Н.И. Курочкиным собственноручно летом 1848 года.

Рассматриваемый текст был опубликован под тем же названием в Вятских губернских ведомостях в 1851 году. История этой публикации пока не ясна, но сравнение публикуемой нами рукописи с журнальным вариантом может направить исследователей в нужном направлении.

При публикации² мы пишем слова в современной орфографии, оставляя в неприкосновенности слова и обороты, которые не всегда правильны грамматически, но характеризуют специфику авторской речи. Авторская пунктуация нами также, по преимуществу, сохраняется. Считаем необходимым снабдить текст минимальным комментарием, который будет полезен как педагогу, так и учащемуся при самостоятельной работе с текстом. Отдельной задачей явилось для нас сравнение рукописи с текстом журнальной публикации; во многих случаях выявлены значительные расхождения, возникшие в ходе редакционной правки, которая изменила не только «букву», но и «дух» текста, написанного Н.И. Курочкиным. В публикации имеется две системы сносок: наши сноски обозначены цифрами, а те, что были сделаны автором, отмечены звездочками.

² В рукописи пронумерованы только листы, но не обороты листов. При публикации мы вводим сквозную нумерацию листов (Л1...Л20) и оборотов (Л1 об...Л19 об.).

Комментарий к тексту

к № 539
20 августа 1848

Л 1
№ 141
№ 24

ВОТЯКИ
Малмыжского уезда Вятской губернии.
Статья этнографическая

Историки согласны в том, что вотяки по происхождению принадлежат к финнам. Народы финского племени¹ обитали прежде на границах Северной Европы, также по берегу моря Балтийского до Эстолии, и по левому берегу реки Волги до соединения ее с Камой*. Следовательно, отечество вотяков заключалось в пределах сих

Л 1 об.

стран. Но когда и по каким причинам оставили они свое отечество и переселились в Вятскую страну не известно².

В 1174-м году выходцы новгородские покорили вотские селения на реках Чепце и Вятке³. Изгнанные из жилищ своих вотяки некоторое время воевали с незваными пришельцами: но, быв не в силах одолеть их, оставили свои оседлости и скрылись в глубинах лесов Вятской области по направлению к югу. Здесь жили они в независимости, но в 1459-м году вместе с Новгородцами хлыновскими (вятскими) покорились Великому Князю Московскому. Ныне обитают они в Вятской губернии в уездах Глазовском, Сарапульском, Елабужском, и Малмыжском. Для описания избранных вотяков Малмыжского уезда.

Л 2

Вотяки по наружному виду русы и красиваты, малорослы и одородны; силами, впрочем довольно крепки. Одежда мужчин, ежедневная и праздничная,

¹ Понятно, что речь идет о народах т.н. финно-угорской языковой семьи.

* Славянск. древности Шаффарика. Т.1. К.1. М.1837. С. 204–209.

² Археологи фиксируют здесь проживание людей, которые оставили поселения и могильники, относимые к различным археологическим культурам. Следует понимать, однако, что археологические источники не могут нести информации о языковой принадлежности населения.

³ Современными авторами, с привлечением обширного круга источников, которые не могли быть известны Н. Курочкину, столь древняя датировка массовой колонизации края и основания города Вятки аргументировано оспорена, и по этому вопросу имеется обширная литература. Археологическими исследованиями установлено, что к XII веку расположенные на берегах Чепцы городища прекращают существование и проживание населения здесь вплоть до XV века не фиксируется.

портяная и сукоинная, походит на одежду русских крестьян, исключая того, что в рабочее время вояк подносывается ремнем с железной пряжкой, к которому пришиты: железная иатопория⁴ (скоба в которую топор кладут), нож в кожаных ножнах и кожаная сумка с кремием, огнивом и трупом; лапти у вояки плетены отмениным от русских маиером и привязаны к иогам плетиями, сделанными из ниток белых портяных пополам с черными шерстяными. Летом вояк на голове иосит ииногда шляпу, а часто сукоинный колпак серый или белый⁵; зимою одет худо, так что иадобно удивляться как он

Л 2 об.

в трескучий мороз или в произительную вьюгу, без шубы, в одиом кафтане с голой шеей, в холодном колпаке, идет или едет спокойио и ие зиает простуды. Наряд жеищи составляют – кика, ииаче айшои⁶, осиевание которому служит сшитая березовая кора круглая, высокая, внутри пустая, ианодобие шляпы без полей, обтянутая сукиом или ситцем, или холстом; на ией с передней стороны, похожие на деиьги круги жестяные и оловянные, а чаще пробитые мелкие серебряные деиьги; над этим навязаны деревянные с изгибами палки, наподобие рогов; они обшиты таким же материалом, каким и осиевание айшоиа; с них висят шерстяные разноцветные кисти, которыми обложеи и острокоиечиий, холщевый, вышитый шерстями плат, опускающийся с задией стороны айшоиа до половыиы спииы; из-под

Л 3

этого платка видны в косе две длинные ленты, либо нитки, с двумя серебряными монетами, или медными ефимками, или оловянными и жестяными шелехами⁷. Волосы на висках ииногда завиваются в локоны. Через грудь с илеча навешивается длииный холщовый или сукоинный лоскут, в виде леиты, уиизапый пробитыми серебряными деиьгами, часто старинными рублевиками и полтиипиками.⁸ На груди бываюи также разиоией величиии и разиоией цвета проиизки, навешапые с

⁴ Данный предмет (*тырнуллон*) являлся долгое время характерной чертой удмуртского мужского костюма.

⁵ В тексте ВГВ редактор добавляет: «Я видал и синие колпаки у вояков Малмыжского же уезда».

⁶ В журнальной публикации авторские выделения смысловых фрагментов нутем иодчеркивания были онущены, как и иодчеркивания отдельных удмуртских слов и ударения в них. Вместо этого отдельные слова удмуртского языка были выделены курсивом.

⁷ Шелехи, или шеляги-архаичное – название чешуек. Так ииногда могли называть и монеты; ср. в русских летописях при онисании размера дани: «по шеляге с рала...»

⁸ Этнографами зафиксировано название для такого черезилечного украшения: *камали*.

плеч полукругом в два ряда. Рубашка длииная, белая, пейьковая⁹, обложеиная по рукавам и подолу китайкой и ситцем; на ией, покороиче, кафтан сукопный синий, либо зеленый, либо полосатый; лапти лычаные, привязанные плетнями как и у мужчи; пояс шерстяной пестрый. Девики в такой же одежде, с такими же на груди моиетампи проиизками.

Л 3 об.

А на голове иосят иебольшие шапочки, похожие на татарские, которые и потому называются такьями; они украшаются с лица серебряными деиьгами, а ииногда оловяпными и жестяными шелехами. Между серебряными деиьгами в нарядах жеищи и девок весьма часто видны копейки Царей и Великих Князей Московских, начиная от Иоанна III Васильевича до Алексея Михайловича. Эти копейки в расходе ие употребляются, а переходят как наследство из рода в род. Таков иаряд вотских жеищи! Впрочем, в разных волостях уезда иеет он свои ииеиенения и прикрасы.

Для жилиц вояки умели выбрать привольные места в лесах, на хороших хлебородных землях, близ лугов, орошаемых реками, озерами и источниками, хотя есть изредка вотские селения и на худых, песчаных землях.

Л 4

Несколько домов составляют деревню, которая, иеиая собственности на вотском языке иазвание, иазывается ииногда еще придаточным, общим целому околотку деревеиь; вот, иапример, вотские иаименование оиых: Зуй-шудзи, Будзим-луд-шудзи, Нерсы-шудзи¹⁰ и пр. В иекоторых вотских селениях видеи еще прежнееи беспоряиок; узкие и кривые улицы иечисты, одворицы ие обгорожеиы, избы с малыми окиами, в избах темио, печи без труб, – оттого дым и сажа; пол ииикогда ие моют – он покрыт вечиою грязью; тут по зимам располагаются собаки, теляты, поросеики, курицы и утки; тут живет и спит от 7 до 15 человек, – и представьте, каков должеи быть воздух в такой избе. Но как жители оиой по большей частн заняты работой на вольиом воздухе, то от духоты избыиой ие терпят

Л 4 об.

большого вреда. Близ избы поставлеи леирик, или шалаш с крышей, без полу, с полицами и лавками; в переднем углу ларь, перед ним стол; на полице лубяиой короб, куда кладут употребляемую при богомольях посуду; по средине шалаша огойь иад которым варят и коптят пищу и гонят кумышку; здесь опять иеиереставиый дым¹¹. За шалашом приделец, кваберка¹², где храпят съестные

⁹ Т.е. из кононляной ткани.

¹⁰ Интересно, что в качестве примера автор рукописи называет удмуртские селения не той местности, где в то время ироходила его служба, а Зонского ирихода, где он родился.

¹¹ Срубная постройка без нола и нотолка, которая ииспользуется для семейных молитв и в качестве летней кухни, известная под названием *куала*.

припасы; далее чум или клеть для хранения одежды¹³; потом погреб, иакоиец, скотский двор обгороженный особо, и все эти строения поставлены не по липии, а направлены в разные и противоположные стороны. Впрочем, по настоянию Окружных Начальников и волостных голов, вотские деревни строятся иные по плану; в них есть широкие и прямые улицы, избы с косячатыми

Л 5

оками и кирпичными трубами, дворы с заборами и воротами. Строения кроются средка тесом, а более сосновою и липовою драбью.

Пищу вотяков составляет все, что могут они иметь под руками, как-то: овощ, рыба, говядина, зайцы, белки, иногда аисты, цапли, клесты, воробьи, дикие утки. Рыбу и говядину они не имеют обыкновения солить впрок, а сушат и коят на огне в шалаше. Они неопрятно поступают с пищей, которую варят: не моют и не чистят ее¹⁴. Любимое их кушанье табани¹⁵, или толстые яровые блины с маслом, либо битым молоком которое называют арьяи. Хлеб пекут большей частью без соли, а печеный посолив (буде не пожалеют соли) едят. Мужчины обедают за столом особо и женщины особо же, на ларе против печи.

Л 5 об.

Питье их – вода, квас, пиво и кумышка. Квас и пиво можно назвать испорченой водой или, если угодно, микстурой от лихорадки, а не напитками приятными для вкуса. Кумышка (род тонкой хлебои браги, курение которой дозволено Правительством) мутна, кисла и пахнет дымом. Ее вотяки из деревянных чашечек прихлебывают поемногу как виноградное вино; впрочем, во время праздников пьют день и ночь, и таким образом ианиваются допьяна, или лучше сказать, дичают. Тогда, как будто по закопу нют у них все: мужчины, женщины и девки, старые и малые, начиная от семилетних, и не ийдете ни одного вотяка, который бы не пил. Кумышка составляет также необходимую принадлежность языческих богомолий.

Здоровье вотяков много страждет

¹² Г.Е. Верещагин приводит форму *куаберкан*, как название для всего молитвенного шалаша. Комментаратор книги указывает: «куаберкан-куа, или куала, где проходили моления языческим богам; кладовая для ритуальных предметов и продуктов» [1, с. 27]. На наш взгляд, такой комментарий не дает ясного представления ни о положении этого помещения, ни о его назначении. По нашему мнению, название этого подсобного помещения может происходить от удмуртского *куа бере*: дословно «за домом», т.е. за молитвенным зданием (?).

¹³ Видимо, *кенос* от удмуртского *кен* – сноха.

¹⁴ В журнальной публикации без оговорок добавлено: «Нет у них ни жареных, ни холодных приготовлений».

¹⁵ От удмуртского *таба нянь*: дословно «хлеб со сковородки».

Л 6

от образа жизни их. В избах, особенно в шалашах¹⁶ у них вечный дым: потому вотяки наполовину худоглазы, кривы и слепы, да к тому же очень мало умывают свои руки и лица водой и держатся худой привычки – без пощады тереть глаза руками. Кумышка также имеет вредное влияние на здоровье вотяков. Она течет через медные трубы, кои икогда чищены не бывали и содержат в себе ядовитую ярь¹⁷. Кроме того, кислота и смрадный запах ее не могут быть здоровы для желудка. Случалось мне видеть, что вотяки после праздников своих подвергались мучительным припадкам корчи, которая бывала у них как бы эпидемической и опустошала целые семейства и селения, между тем как у русских крестьян корча – очень редкое явление. Венерическая

Л 6 об.

Болезнь – это гостя имеющая название иноземное¹⁸, или, лучше сказать это наказание за грехи, сврепствует почти во всяком вотском семействе. Неосторожность и неопрятность вотяков при употреблении пищи, их плотугодне во время праздников, а также и то, что многие семейства в одну ходят баню, – все это поддерживает и распространяет гнусную венерическую болезнь. От этой болезни вотяки подкуривают себя киноварью¹⁹; от прочих недугов не знают почти никаких лекарственных пособий.

Язык вотяков крайне беден. У них нет слов для объяснения понятий отвлеченных; нет названий вещам, коих вотяки не видали, или не имеют в кругу домашнего быта. Вещам занятым от татар, даны

Л 7

татарские названия, занятым от русских – русские. Нет у вотяков преданий, сказок, басен, побасок, пословиц, загадок²⁰. Песен также нет: впрочем, вотяк

¹⁶ Т.е. в *куале*: см. выше.

¹⁷ Ярь-медянка – продукт окисления меди.

¹⁸ Сифилис, или люэс – хроническое инфекционное заболевание. Современными медиками установлено, что эта инфекция передается как половым, так и бытовым путем.

¹⁹ Киноварь, сульфид ртути HgS – минерал красного цвета, применяется для изготовления красителей (киноварной краски). До изобретения антибиотиков являлся единственным средством для лечения сифилиса.

²⁰ Разумеется, данное утверждение не соответствует действительности и может быть объяснимо лишь тем, что автор, на крайней мере, во время написания статьи, владел разговорным удмуртским языком лишь на уровне бытовой лексики и не пользовался полным доверием своей насты. Кроме того, данное утверждение опровергается самим же Н. Курочкиным, который в 1853 году, пожалуй, впервые опубликовал легенду о состязании удмуртского и марийского князей с нинанием болотной кочки (см. наст. изд.), которая затем была повторена многими исследователями. Едва ли не первым фиксатором фольклора удмуртов в большом объеме и публикатором текстов

едучи дорогой повторяет иногда зауививый ианев «ойдо, ойдо» (ступай, ступай)²¹ либо воспеваает, как придумать может, предмет, находящийся у него перед глазами. Полторы или две тысячи слов, кои скудны видоизменениями, составляют вотскую словесность. Наречие вотяков Малмыжского уезда различно от вотских наречий других уездов; так, например, вотяк Глазовского уезда не совсем понимает вотяка, говорящего Малмыжским наречием. Но такова участь всех языков и наречий на Земиом шаре²². Грамоты и кииг на вотском языке иет²³.

Л 7 об.

Вотские мальчики в сельских училищах обучаются по русским и славянским книгам. Многие из этих мальчиков имеют весьма острую память, так что надобио удивляться, как хорошо читают изустию, не понимая значения и смысла слов.

Хотя словесность вотяков весьма бедна, однако есть у них музыка – отголосок словесности и поэзии. Музыкальные орудия – балалайка и гусли. Балалайка совершенно походит на балалайку русского устройства. Гусли по расположению струн сходны также с гуслиями русскими, но в общем объеме имеют вид полукруга. На этих инструментах вотяки иаигрывают некоторые одиообразные напевы²⁴.

По бедности языка можно судить о бедности умственного просвещения вотяков. Если в каком,

Л 8

то особеию в этом отношении можно назвать их ежели не диким, то полудиким иародом, так как не имеют они пикакого попятия о науках, и искусствах и художествах²⁵.

на удмуртском языке явился три десятилетия снустя Б.Г. Гаврилов. См.: *Коробейников А.В.* Удмуртский фольклор из собрания Бориса Гаврилова. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2008. 36 с. + 1 электрон. онт. диск. (CD ROM) [Электронный ресурс].

²¹ В современном удмуртском языке *ойдо* означает давай. Напр: *Ойдо вераськом* – давай ноговорим.

²² В журнальной публикации предложение пронущено.

²³ Этот тезис подтверждает наше предположение о том, что автор не имел доступа к библиотекам: ко времени написания рукописи вышли из нечати несколько книг, такие как: «Сочинения принадлежщие к грамматике вотского языка» (СПб, 1775), «Азбука, составленная из российских, церковной и гражданской нечати букв для обучения вотских детей чтению на их наречии» (Казань, 1847) и др.

²⁴ Текст на Л17 от слов «Вотские мальчики...» до данной сноски в журнальной публикации пропущен. Полагаем, что в онущенном фрагменте ясно была видна симпатия автора к его наставе. Однако констатация об отсутствии в приходских школах литературы на языке коренной национальности, которая на тот момент вышла из нечати, при всей ее объективности могла не понравиться лицам, ответственным за просвещение в губернии?

²⁵ В журнальной публикации онущены слова: «так как не имеют они никакого понятия о науках, и искусствах и художествах», что, на наш взгляд, полностью меняет смысл фразы Курочкина.

По отношению к религии вотяки иаходятся также в жалком состоянии²⁶. Древняя религия их языческая, хотя ныне очень мало считается их в язычестве. Вотяки язычники веруют в иебесиого Бога, Творца и Промыслителя вселенной, благого и правосудиого, которого именуют Имар. Они уверены и в бытии злого духа или дьявола, коего иазывают шайтаи, думают, что этот шайтаи не состоит в зависимости от Бога, самовластеи и иаходит удовольствие в том, чтобы иеповинующихся ему истреблять болезнями и иесчастьями. Поэтому вотяки приносят жертвы Богу иебесиому, приносят

Л 8 об.

хотя редко, и злomu духу. Таков всегда человек оставлеинный самому себе: будучи по естеству своему сыиом гнева, он или Бога представляет страшным мстителем или злomu духу безусловно приписывает свойство мщениа и в сем случае иаходит себя вынужденным служить не только первому, да и последнему. К тому же вотяки уверены что отцы их страшною клятвою завещали им по означению прнчить приносить жертвы не только Имару, но и шайтапу и, следовательно, если они того не исполнят, то иепремению погибнут. «Отцы иаши так молились и иам завещали так же молиться», – говорят вотяки. Вот предрассудки, на которых основаио их язычество! Из полу-богов иинеишие вотяки признают только лешего алабасть²⁷, который

Л 9

господствует в лесах.

Иебесиому Богу приносят они в жертву хлеб, вино, рогатого скота, белых баранов и гусей следующим образом: вотяк стоит в колпаке перед передней полкой своего шалаша²⁸ и держит в руках чашку с кумышкой, подле него вино и хлеб, на прпридиом языке читает он молитву, в которой просит Бога, чтобы помогал во всем иашему ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ, чтобы вотякам подавал больше хлеба, скота и живота²⁹ и хранил их от всякого зла. Потом вотяк как хлеб, так и вино ставит в короб на полку, что и почитается священным; иакоиец взяв оттуда то и другое ест и ньет пригласив к тому и домашних своих. Если богомолье ндет над скотом, то по обряде над хлебом и вином скотина закальвается, варится в котлах и употребляется в пищу. Подобным образом

Л 9 об.

²⁶ В журнальной публикации предложение пронущено. Возможно потому, что не с комплиментарных позиций оценивает успехи христианизации?

²⁷ В журнальной публикации *алабастьи*. Современные исследователи для обозначения лесного духа в некоторых локальных традициях ириводят термин *нюлэ мурт*, дословно «лесной человек».

²⁸ См. выше о *куале*.

²⁹ Т.е. либо сохранения жизни, либо иреумножения *ножитков*.

вотьяки приносят в жертву солового³⁰ жеребеика. Хотя говорят они, что приносят его Богу, но надобно думать, что это жертвоприношение бывает злomu духу; поелику³¹ сами они имеют отвращение от этого языческого обряда, который потому и бывает редко. Злomu духу в жертву приносят имению чериого барана около Ильина дня, перед сеюкосом. Пчеловоды для успехов ичеловодства закалывают в жертву пестрого дятла, врага нчел.

Точно таким же образом молятся вотьяки собравшись в больших шалашах на полях и в священных лесах или кереметах. В сем случае жертвоприношением распоряжается поп, которого зовут будзим квала утись (большого шалаша хозяина). Большими шалашами в вотских языческих селениях называются особые, ежеильные молитвенные здания, похожие на

Л 10

шалаша, недавно мной описанные. За шалашом бывает также приделец, где хранят пепел от очага и кости жертвенных животных.

Есть еще у вотьяков вроде попов ворожцы, к которым относятся они во всяких важных обстоятельствах жизни. Настает ли время богомолья, захворает ли кто? Ворожец рассказывает, какое животное надобно в жертву приесть. Обокрали ли кого воры? Ворожец объясняет, где можно ийти похищенное имущество. Ворожат посредством хлеба и угля, а иногда и без того просто дают ответы на вопросы как на ум придет. Это шарлатанство поддерживается уважением народа и тщеславием ворожцов.

Праздники вотьяков начинаются богомольем и жертвоприношениями и суть следующие: 1. праздник перед посевом хлеба; 2. перед сеюкосом

Л 10 об.

3. по окончании всех полевых работ. Впрочем, икрещенные вотьяки празднуют вместе с крещеными и христианские праздники как то: иовый год (виль ар), крещение, пасху (будзим нунал, великий день), Троицын день, Петров день (квар-сур – листовое пиво, потому что тогда под жертвенные вещи подкладывают зеленые древесные ветви). Праздники продолжаются дня по три, дня по пяти, и по неделе, смотря по тому сколь зажиточно селение и иасколько времени достает кумышки и пива. Тогда отдельно мужчины с мужчинами, женщины с женщинами, девки с девками, старые со старыми и малые с малыми ездят на лошадях, либо рука об руку ходят по селению толпой, ппруют с обеда до утра и поют свое любимое «ойдо, ойдо!». К праздникам принадлежат также

³⁰ Желтовато-серой масти.

³¹ Ибо, так как.

Л 11

Масленица, начиная с поедельника до четвертка³², помочн на мытье нитяных мотов³³ и частные праздники осеи, когда вотьяк, избрав день, закаляет рогатую скотипу и, созвав родственников и соседей, ппрует с ними.

Языческие обычаи вотьяков замечательны следующее: Обычаи выгонять шайтана (дьявола). Накапуие Нового Года вотьяки, собравшись в одну избу, вооружаются липовыми палками и бнчами, берут пук с зажженной лучиной и с произительным, диким криком бьют и стегают по стенам и углам избы и поднолья; потом идут в следующую избу и т.д., выполняя ту же церемонию; иакоиец бегут за ворота в поле, где в сиегу ставят две палки или из луба³⁴ вырезанные подобия двух человек и заграждают их легким тыном в знак того, что шайтан выгнан в другое вотское селение,

Л 11 об.

из которого выгоняют его подобным образом, так что он уже не может³⁵ жить ни в одном селении. Хотя вотьяки не могут объяснить причины этого обычая, но он значит, конечно, то, что вотьяки сознаются, что злой дух господствовал в них в течение прошлого года и что его непременно надобно изгонять, но не понимают того, что изгонять его следует не палкой и бичом, а силою благодати Божей.

Обычаи свадебные. Вотьяки, собравшись на лошадях верхами и вооружившись палками и бнчами, иочью делают ианадение на чум³⁶ в котором спит ивеста, отпрато его (если родственники ее не заставят похитителей отступить), берут свою жертву сажают в телегу или сани и везут в дом жеиха, иесмотря на отчаянный крик девки. Тут держат ее

Л 12

в иеволе иесколько дней. Потом приезжают к ней отец и родственники, заводят с похитителями, для порядку, ссору, которая обыкновенно кончается ипровую сделкою, состояшею в том, что сватовья³⁷ обязываются отцу ивесты платить калым – от 25 до 80 и более рублей серебром, смотря по тому сколь богата

³² В журнальной публикации: «четверга».

³³ В журнальной публикации добавлено: «(шорт мыськон)».

³⁴ До наших дней большие куски линовой коры (приблизительно метр на два) снимают с дерева, в стогах вымачивают в ирду для отделения мочала, а затем используют в качестве листового кровельного материала (т.н. лубков) для временных ностроек, укрывания бревен, сена и ир.

³⁵ В журнальной публикации: «не должен».

³⁶ По всей видимости, *кенос*.

³⁷ Сватовьями или сватбми иринято называть людей, чьи дети заключили между собой брак.

иевеста платьем; иакоиец угостив посетителей, святовья отпускают их домой в месте с иимфой³⁸. Так вотяки сватают или, говоря их словами, воруют иевест! Впрочем, ииогда и без воровства сватают их добрым порядком, сделав условие о количестве калыма. Когда иастанет день свадьбы, тогда соседн и родственники жениха приготавливаются к поезду; предварительно девки в полном наряде, на лошадах верхами иесколько раз скачут к дому иевесты и возвращаются ии с чем;

Л 12 об.

тут присоеднняются к пим из мужчин поезжаие³⁹ в повозках и иесколько раз путешествуют также понапраспу. В то время иевесты иередко и дома ие бывает; она ходит по своей родие, ппрует, и возвратившись домой полупьяная, сидит в своем чуме и ие хочет выйти оттуда; впрочем по усиленным просьбам поезжан соглашается на это; тут ее домашиие начинают дарить родствеишников плетнями для лаптей и пестрыми пейьковыми рубашками, которые те тот час же иадевают по верх своих рубашек. Затем, поппровав, вся свита с ужасным шумом и ианевом «ойдо, ойдо!» прииимает иевесту и везет куда следует; а она, сидя, либо стоя в повозке, ревет иедобрым голосом⁴⁰. Совершив путешествие и, сдав иевесту, поезжаие объезжают три раза

Л 13

вокруг шалаша⁴¹ жеиихова, чем церемоиия поезда и оканчивается. Если иевеста упрямится и ие выходит из повозки, то в сей крайиости прибегают оии к самому убедительному доказательству – стегают ее бнчами. Привезеиную встречают свекор и свекровь с хлебом и маслом, сажает за стол вместе с женихом; гостн садятся на лавки, а зрители стоят на иогах; свекор и свекровь, по молитве, иачииают молодых и гостей потчевать; иакоиец, иевеста подает пить гостям и дело коичиться веселым ппром; потом возвращается она в дом отца и живет тут до полевых работ. Молодую в иовом семействе обыкиовеиио иазывают ие собствеиным ее именеи, а именеи деревии из коей она привезеиа⁴². Если из этой деревии кто-иибудь случится в семействе молодой⁴³, то сииимает она с головы бабий айшон

³⁸ В журнальной нубликации добавлено редактором: «Сочинитель, вероятно, не договорил *болотной*, нотому что вотячки вообще очень некрасивы». На наш взгляд, данное обобщение не только неуместно, но и грешит нротив истины.

³⁹ Участники свадебной нрощесии, *поезда*.

⁴⁰ В журнальной нубликации исправлено на: «ревет благим матом, как говорится».

⁴¹ Т.е. *кеноса*.

⁴² Позднейшие исследователи отмечали, что женщину в удмуртской семье называли не ее личным именеи, а названием родового объединения, из которого она нроеисходила. Некоторую аналогию можно отметить в русских традициях: муж часто называл жену не но имени, а но отчеству.

⁴³ Т.е. в гостях.

Л 13 об.

и повязывается платком, в знак того, что она в том селении была иекогда девкой.

3. Обычаи соблюдаемые при погребении умерших. После умершего сжигают или кидают все иа чем он лежал, почитая то осквериеиным, как то: постель, одежду, телегу, сани, что обыкиовеиио бывает самое худшее. Потом кладут его в гроб, сделаниый из досок, либо выдолблеиный в липовом дереве иаподобие пчелиного улья; иа голову иадевают шапку; по кафтану подпоясывают ремием, к которому привязаны: игольиик с иглой и иитками, кодочик⁴⁴ (коим лапти плетут), сумка с медииыми деиьгами, кремием, огиивом и трутом; кладут подле покойника табакерку либо трубку с табаком, а ииогда и виию; иередко дают ему в рот кусок масла коровьеого, либо сушеиной говядины, смотря по тому чем любил он лакомиться.

Л 14

Все это показывает, что вотяк желает и иадеется жить и по смерти иа том свете как здесь жил; вот доказательство того, что вотяки верят⁴⁵ бессмертию человеческой души и будущей жизни. При погребении умерших вотяки почти иикогда ие плачут. Захоронив⁴⁶, моются в баие, и чем процессия кончается. Меиее важные обычаи: 4. обычаи иарищать ииия иоворождеиному младеицу. Через иесколько часов по рождеиии младеица приходит к иему из соседиего дома родствеиища старуха, ласкает⁴⁷ младеица и дает ему ииия, какое ей иа ум взбредет, иапример: Эсеикул⁴⁸, Забер, Шакта (сор⁴⁹), Квака (вороиа). Такими языческими именеами иазывают себя ииогда и⁵⁰ крещеиные вотяки. 5. обычай вкочачивать медииые деиьги в избе. Гость из вотяков, крестьяиии или солдат, который остался очень доволеи угощением

Л14 об.

хозяина, вкочачивает при отъезде своем в стол или в стул или в косяк окна медный грош в зиак благодарности и на память о себе. Эти гроши как иечто свящеиное остаются иеприкосиевепиыми и всякому проповедуют⁵¹ сколько гостеприимен хозяиии дома, и в каком почтеипи он находится у соседей и родствеишников.

⁴⁴ Раснространена форма *кочедык*.

⁴⁵ В журнальной нубликации добавлено: «хотя и с некоторым сомнением».

⁴⁶ В журнальной нубликации изменено на: «нхоронив».

⁴⁷ В журнальной нубликации изменено на: «нриласкивает».

⁴⁸ < тно.; ср. тат. *исэн* 'живой', *кол* 'раб'

⁴⁹ Возможно, в значении «сорняк» как элемент защитительной магии.

⁵⁰ В журнальной нубликации союз «и» онущен, что меняет смысл фразы.

⁵¹ В журнальной нубликации изменено на: «обьясняют». В современных удмуртских домах можно видеть монеты, вбитые в матицу нарнем, который ушел в армию.

У вотяков множество примет и суеверий. Приметы большей частью относятся к земледелию, хозяйству, скотоводству и звероловству и бывают средку справедливы; например вотяки говорят: если осенью много еловых шишек, то много будет белки (которая шишками и питается). Это оправдывается на самом деле. Вот одна из суеверных примет: – вотяка⁵², когда родится у нее младенец, намазывает ему лоб сажей: в таком случае никто не изурочит младенца, и он будет здоров⁵³.

Л15

До сих пор я говорил о вотяках язычниках, тем надобно говорить о вотяках крещенных или о христианах.⁵⁴ Вотяки Малмыжского уезда начали главным образом принимать христианство со времени ПЕТРА I и ЕКАТЕРИНЫ II и ныне почти все состоят в христианстве. Но, должно сказать, что они придерживаются еще языческих суеверий⁵⁵, молятся и приносят жертвы по языческим обрядам, хотя весьма скрытно, опасаясь преследований духовенства и полиции; не считают грехом держать жеи без венчания по обряду церковному, если бы не запрещали им то священники⁵⁶; не соблюдают постов... Почему же крещенные вотяки по сие время не оставили свои языческие заблуждения? Конечно потому, что эти заблуждения всосали они, так сказать, с молоком материм; этими заблуждениями с самого младенчества

Л 15 об.

проинкнуты их ум и сердце; эти заблуждения соединены со всеми их забавами и празднествами. Кроме того, вотяки находятся в крайнем невежестве и не могут понимать высокой проповеди евангельской, несмотря на заботливость проповедников. Не, тоже ли было с предками нашими славянами, когда они приняли христианство? Впрочем при деятельности священников крещенные вотяки более и более сближаются с Церковью, многие из них постятся в первую

⁵² В журнальной публикации изменено на: «вотьячка».

⁵³ В журнальной публикации изменено на: «для того, чтобы младенца никто не изурочил, и чтобы он был здоров». В любом случае ясно, что речь идет о защитительной магии. Подробнее см.: *Герд К.П.* Человек и его рождение у восточных финнов. Helsinki: Societe Finno-Ouigienne, 1993. 97 с.

⁵⁴ В журнальной публикации предложение опущено.

⁵⁵ В журнальной публикации: «Но, должно сказать, все еще придерживаются языческих суеверий...»

⁵⁶ В соответствии с реалиями того времени священник получал свое содержание (ругу) от прихожан. Величина содержания зависела от количества семейных нар в приходе. Иными словами, невенчаное сожителство не только считалось греховным но церковным канонам, но священник и материально был заинтересован в числе «законных» семей. В свою очередь, но архивным делам тех лет видно, что и сами невенчаные нары могли в свое оправдание заявлять о вымогательстве с них немерной цены за венчание.

и седьмую неделю Великого поста; нутешествуют, по обещаанию к некоторым отдаленным церквам, для поклонения чудотворным иконам, как-то в село Великорецкое Вятской и Березовское Уфимской губерний; в праздничные дни ходят в церковь, ставят свечки и, стоя на коленях, усердно молятся Богу; приносят детей ко святому причастию; все сообща

Л 16

ходят на исповедь; принимают в свои дома и на поля священников со Св. Крестом и иконами; жертвует деньги на церковные строения; словом, исполняют все узаконения христианской религии. Есть надежда, что в скором времени будут они истинными детьми православной церкви.

Что касается до иравов вотяков, как язычников, так и христиан, то они дружелюбны, смелы, робки, скрытны, хитры, лживы, скупы, трудолюбивы, временем беззаботны и ленивы, неповоротливы. Дружелюбие их открывается из того, что они никогда почти между собою не ссорятся и не дерутся, как нередко бывает между русскими крестьянами. Почитая соседей своих русских-господствующим и сильным народом, а татар – народом ловким в воровстве обманах вотяки боятся тех и других. Потому русские называют их рябчиками⁵⁷. Впрочем, нет правила без исключения: и вотяк

Л 16 об.

в пьяном виде бывает иногда горд и дерзок; он тогда решается на самое убийство, в надежде, что по хитрости его оно будет скрыто от преследований начальства. В самом деле, в случае несчастья одного лица или семейства, целое вотское селение защищает его и деньгами и ложными словесными показаниями. «Ничего не знаю, ничего не слыхал и не видал», – вот любимый и безопасный ответ вотяка перед начальником и перед русским⁵⁸. По причине такой скрытности вотяков русские величают их обыкновенно мышами⁵⁹. Скупость вотяков простирается до того, что пищу употребляют всегда самую скудную, ничего не покупают кроме соли и табаку, которые все они обыкновенно курят, а иные и нюхают. По домашнему быту⁶⁰ никак нельзя знать который вотяк зажиточен, и который беден.

Л 17

Все употребляют одинакую пищу и одинакое платье. Впрочем, из состояния скупости⁶¹ некоторые вотяки начинают выходить, так как имеют иногда водку,

⁵⁷ Известна старинная поговорка: «Русский-медведь, татарин-волк, а вотяк-рябчик».

⁵⁸ В журнальной публикации: «перед русским и перед начальником».

⁵⁹ Возможно, здесь находит какое-то отражение бытование удмуртского термина *мыш* – жертва на обету. См. *Васильев И.В.* Понятие о вотских мыжах // ВЕВ. 1906. № 5–6. С. 146–148.

⁶⁰ В журнальной публикации изменено на: «образу жизни».

⁶¹ В журнальной публикации изменено на «и из состояния скупости...»

самовар и чай с сахаром или медом для гостя. Деиьги свои вотяк держит дома в таких местах, которые у всякого перед глазами, ио о которых пикто не подумает, что тут деиьги; иапример ои держит их в ржаиой муке. Деиьги, в расход ие нужные, в лесу спрятывает в пустой ичелииной борте, в муравейную кучу, в гумие закладывает в хлеб, а лучше закапывает в землю, где оии иередко и остаются, буде ои ие успеет или ие захочет объявить о том своим иаследникам. Таким образом эти деиьги поступают в область кладов**. Можии сказать что вотяк летом трудолюбив, а зимою

Л 17 об.

леинв. Летом оставляет ои дом свой пуст, иа лугах и в поле работает с утра до полуиочи, ие зиает покою, пока складет хлеб свой в гумию. Тогда то иа всю зиму, иадеясь иа этот хлеб, предается ои беспечиности, мало работает, сидит дома, заводит праздники, курит табак, ньет кумышку, забывает прошедшее и ие думает о будущем. В такое время особеиио проявляется иеповоротливость вотяка. Если вы поступаете с иим кротко, пошлите его куда-иибудь: ие беспокойтесь, ои ие поторопится, пойдет тихим шагом, либо ие пойдет, а пошлет другого моложе себя; этот пошлет третьего – меньше себя; этот пошлет ребейка, который иичего ие разумеет⁶² сделать.

Вотяки Малмьжского уезда ие знают никаких ремесел⁶³. Земледелие – единствениое средство к их пропитанию. Оио между вотяками находится в младеиическом

Л 18

состоянии; орудие их – сохи и бороиы гораздо еще хуже тех, какие русский иарод употребляет исстари, ио благодаря простору и доброму качеству земель иа коих обитают вотяки, земледелие восполняет все иедостатки и окупает государственную подать их, иесмотря иа то, что оии ие удобряют своих земель. Система земледелия на песчаных землях трехиольная, а на матерых – двухпольная. Главные посеы суть: рожь озимая и яровая и овес, а меиьшие – пшеицца, горох, гречиха, просо, чечевица. Льпу иикогда ие сеют, а вместо иего сеют коиопля. Хлеб в гумиах кладут в круглые острокоиечиные скирды (кабаиы), у коих деревьяиые поддоики положены иа столбах, устроепиых так, что мышам и хомякам ие удобно с земли попадать в скпрды. Крытых гумие и овииов с печами иет: хлеб иа открытых гумнах молотят сырой.

** Моя статья Клады нечатана в 6^и кн. Ж.М.Н.П. за июнь 1847. Н.К. (В журнальной публикации данная сноска на Журнал министерства народного просвещения отсутствует – авт.)

⁶² В журнальной публикации изменено на: «не в состоянии».

⁶³ В журнальной публикации изменено на: «Вотяки не знают никаких ремесел и художеств».

Л 18 об.

Почему, когда затягивается иеиастье, зимой или летом вотяк и у хлеба сидит без хлеба. Запасиой хлеб у вотяка весь в гумие, а ие в житице.

Скотоводство между вотяками в худом состоянии; скота иемиого, да и тот мелкой породы и худо содержится. Хотя вотяк ииогда держит иа случай пашии и бороиьбы от 5 до 10 лошадей, ио морит голодом их так, что выехать у иего ие иа чем. Так как мало у иего скота, то мало и иазема; и тот иа поле вывозит ие всегда разве под коиопле осеиью, а ииогда и весиюю.

Пчеловодство – любимое запятие вотяка. Это ичеловодство дикое, лесное, бортьевое. Вотяк в деревьях сосиовых и дубовых выдалбливает борты, либо затягивает иа них пчелииые ульи, куда пчелы садятся сами собою. Пчеловодством занимается ои иеусышио: в лесу

Л 19

днюет и иочует, с легкостью лазет на высокие деревья, впрочем, случается, что свалившись оттуда жертвует своим здоровьем и жизнью. От ичеловодства ииогие вотяки прежде нажили порядочные денежные капиталы, ио ныне по причине холодных весеи и лет оио приходит в упадок и ие вознаграждает трудов ичеловода.

Есть еще у вотяка другое любимое заиятие – звериная охота. Взав с собой ружье, собаку, трубку с табаком и зимою лыжи, идет ои в лес и готов там жить целую иеделю. Да, лес – родиая стороиа вотяка; в лесу ои свободеи, ие боится ии русского, ии татарииа, ии иачальиика; в лесу забывает все свое горе⁶⁴ – ои запят своей охотой. Итак, вотяк ловит различных зверей и получает от того большую прибыль? спросите вы. Совсем иет – ои бьется о иемиогом; заяц и белка – вот вся его добыча; шкуры

Л 19 об.

с них ои продает, а мясо употребляет в пищу как лакомство. А было бы чем вотяку охотиться: в лесах Малмьжского уезда водятся медведи, волки, олеии, лисицы, куницы, близ иекоторых рек – выдры, иорки, бобры⁶⁵, ио вотяк слишком робок и иеповоротлив чтобы вооружиться иа таких бойких соседей.

Что касается до жеиских рукоделпй, иадобио сказать, что⁶⁶ вотские женщины довольно сметливы в крашении, вышиваиии и ткаиье. Оии, выкапывая красиьные растения⁶⁷, также сиимая кору с дерев⁶⁸, умеют очень прочио красить шерсть, которой вышивают свои платки и другие головиые иаряды;

⁶⁴ В журнальной публикации слова: «в лесу забывает все свое горе» удалены.

⁶⁵ В журнальной публикации редакционная ремарка: «За достоверность не ручаюсь».

⁶⁶ В журнальной публикации до сноски слова опущены.

⁶⁷ В журнальной публикации «растения» изменено на «коренья, как-то марену».

⁶⁸ В журнальной публикации добавлено «дубовых и ивовых».

ткнут из нее опояски и сукиа, полосатые и пестрые, довольно чисто и хорошо, несмотря на то, что ткацкие стайки их не столь удобны как у русских ткачих. Хотя есть у вотяков инычки, бердо и челиок, но вместо иавоев служат

Л 20

колья продетые сквозь пол. Холсты ткнут конопляные, а не льняные.

Вот описание происхождения иаружного вида, одежды, жилищ, пищи, здоровья, языка, просвещения, религии, празднеств, суеверий, нравов, обычаев и заповестей вотяков Малмыжского уезда! Но и других уездов Вятской губернии вотяки от таких же Малмыжского уезда различаются не в главных чертах, а в некоторых отклонениях домашнего быта и нравственного состояния. Русский от русского различается во многом, а вотяк везде сам на себя походит.

Священник Никандр Курочкин.

Заключительные соображения

Рассматриваемая рукопись была опубликована в трех номерах Вятских губернских ведомостей, по меньшей мере, через три года после ее написания. Причем, исследованный архивный текст не имеет следов деления на части, как они были опубликованы в журнале. Можно лишь догадываться, что в статье печаталась с иного экземпляра рукописи, который был слегка подправлен автором: добавлено удмуртское название праздника мытья пряжи – *шорт мыськон*, добавлены названия растительных красителей и замечание об отсутствии у удмуртов жареных блюд и салатов. Вместе с тем полагаем, что текст Н. Курочкина подвергся во многих местах цензурным сокращениям, а также значительной и явно недоброжелательной редакционной правке с явным смещением акцентов. Таким образом, публикация оригинальной рукописи в сравнении с журнальным текстом, на наш взгляд, поможет читателю увидеть истинное лицо священника-краеведа.

Литература

1. *Верещагин Г.Е.* Собрание сочинений : В 6 т. Т. 2. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / Комментар.: Владыкина Т.Г., Христолюбова Л.С. Ижевск : УИИЯЛ УрОРАН, 1996. 204 с.

ОЧЕРК МАЛМЫЖСКОГО УЕЗДА: новизна и актуальность данных

Общая характеристика публикации

Статья Н.И. Курочкина «Очерк Малмыжского уезда» была опубликована Вятскими губернскими ведомостями в 1853 году [1]. Публикация предваряется указанием: «Этот очерк составлен применительно к вопросам Императорского Русского географического общества и программам Вятского губернского статистического комитета». Известно, что губернский статистический комитет являлся организатором и координатором краеведческой деятельности, а разрабатываемые им программы позволяли не только стандартизировать процедуры сбора данных, но и получать сравнимые между собой результаты из разных уездов губернии и создавать, таким образом, по-современному выражаясь, базы данных по многим аспектам губернской жизни. Уже отмеченное обстоятельство выделяет Н.И. Курочкина из череды Вятских краеведов, в том числе и куда более титулованных, чем он. Достаточно напомнить, что полвека спустя Г.Е. Верещагин (на Мултанском процессе) вполне простодушно призывался, что никакой программы сбора материала он не имел, а просто записывал увиденное и посылал в ИРГО. Тем не менее, работы последователей Н.И. Курочкина, например, книги того же Г.Е. Верещагина, несмотря на некоторую хаотичность общей композиции, частично повторяют структуру первых аякет ИРГО и программ Статистического комитета. Это свидетельствует о том, что краеведы конца XIX в., несомненно, были знакомы с публикациями в ВГВ.

Текст статьи четко структурирован нумерованными параграфами. Всего их 21: 1. Границы уезда; 2. Географическое положение; 3. Реки; 4. Леса и т.д. В соответствующих параграфах описаны по отдельности и народы, в уезде обитающие: русские, марийцы, татары и удмурты. Заметим, что развернутого этнографического описания удмуртов в данной статье нет: автор отсылает читателя к своей статье «Вотяки Малмыжского уезда...», напечатанной в том же издании ранее. Вместе с тем, информация об удмуртах имеется почти в каждом из тематических разделов в виде нескольких предложений. Содержательно она, пожалуй, не выходит за рамки публикуемой нами рукописи за исключением некоторых дополнительных сюжетов, которые мы и рассмотрим здесь.

О народной морали и христианской нравственности

Едва ли не первым опубликованным свидетельством нравственных устоев удмуртского народа, в основе которых лежит трудовой идеал, может служить свидетельство путешественника Н.П. Рычкова датированное 24 мая 1770 года. По его словам: «Ревнивание и почтение к труду между вотяками столь велико, что

жеишины их стараются одна перед другой проснуться ранее, дабы придти на жатву прежде своей соседки... а та, которая придет всех после, служит насмешкам и презрению¹ трудящихся женщин... Праздность, будучи их обществом презираема, заставляет всех радеть о способах домостроительства...» [2, с. 163–164].

Поэтому, на наш взгляд, опубликованные в журнальной статье замечания относительно духовно-нравственного развития народов вызывают много вопросов: вряд ли за несколько десятков лет, которые прошли после публикации Н.П. Рычкова народ утратил веру в то, что в основе человеческой жизни лежит труд – ведь условия народной жизни и способы хозяйствования изменились мало. Поэтому полагаем, что, тезисы статьи ВГВ настолько далеки не только от комплиментарности, но и от объективности², что само собой напрашивается предположение о том, что имели такие опрометчивые формулировки возникли «благодаря» редакционной правке; мы видели выше на примере подлинной рукописи Н.И. Курочкина, что в целом ему было свойственно толерантное отношение к фиксируемой действительности, а необоснованные и огульные обобщения были привнесены в его текст извне; чего стоят претендующие на «остроумие», а по сути своей очень недобрые редакторские ремарки относительно «болотной имфы» и прочие искажения смысла (см. наст. публикацию).

Несмотря на всю сомнительность авторства, именно этот фрагмент текста вызывает наш интерес хотя бы потому, что в нем содержится едва ли не первая опубликованная в средствах массовой информации фиксация геронческого эпоса поволжско-финских народов (см. далее).

Итак, в статье содержатся следующие утверждения: «Относительно религии и нравственности, черемисы находятся в полудиком состоянии. Язычники их веруют в Бога небесного, признают и злого духа; тому и другому приносят жертвы, закалывая животных; на каждой неделе празднуют в пятницу. Черемисы иные почти все состоят в христианстве; впрочем, их языческие суеверия все

¹ Здесь и далее выделения в тексте наши – авт.

² В качестве примера крайнего субъективизма в оценках, приведем еще одно известное свидетельство второй половины XVIII в. «Вотяки, или ут-мурт, как они сами себя называют, имеют весьма многие нравы, чувствительно их от соседних им черемисов отличающие. Они гораздо проворнее и веселее и менее упрямы, при том как мужчины, так и женщины весьма преданы нянству... Головной убор их женщин весьма **срамной и стыдный** между всеми теми, кои у столь многих народов Российской власти новинующихся употребительны... Никакая замужняя женщина не показывается без номянутого убора перед чужими...» [*Паллас П.С.* Путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1773–1778. Об удмуртах. Ч. III. 2 пол. 1778. С. 30, 31, 32] Понятно, что ученый-путешественник мог бы счесть стыдным для себя носить женский головной убор *айшон*, но отчего его должна стыдиться удмуртская женщина? Наоборот, в соответствии с нормами морали многих народов ношение на людях женщины с непокрытой головой считается неприличным.

еще затмевают их нравственную жизнь. Касательно нравов черемисы бойки, скрытны, хитры, скупы и грубы... Татары вообще народ крепкий и здоровый. Они сметливы, склонны к торговле, обманам, воровству, грабёжам и убийствам.

Относительно умственных способностей всех означенных выше племен должно сказать, что вотяки тупы и малоподатливы, черемисы смышленнее их, а татары смышленнее тех и других, по крайней мере, в делах общежития и домашнего быта, хотя все эти три нации стоят на низкой ступени умственного и нравственного образования» [1, с. 141–142].

Следует заметить, что приведенный пассаж едва ли не дословно повторяет описанное Г.Ф. Миллером за 60 лет до этого: «Лицом черемисы, чуваша и вотяки таковы, что их между прочими соседственными народами распознать можно. Черемисы и чуваша много походят на татар и разиествуют только тем, что они суше и за тупостью их разума **кажутся на взгляд весьма глупы и боязливы**, а вотяков по их внешнему виду можно сравнить с **чухоицами**...» [3, с. 11]. И далее: «По душевным дарованиям народов сих также мало хвалить можно. У них разум весьма туп и потому крайние невежи и к порокам весьма склонны. Они не знают ничего о честиности и добродетели, также и о внутреннем естественном законе³ кроме того, чего с **принуждения** изучены будут. Ежели один другого или кого из соседственных народов обмануть захочет, тот ни одного не упускает случая, и при том весьма склонны к воровству, однако же не с довольною осторожностью, ибо почти всегда в том явно попадают. Некоторые из них ходят на разбой, которым несколько в оправдание служит то, что нищета их к тому, как зима голодных волков, принуждает» [3, с. 13].

Не имея в руках оригинала рукописи, с которого печаталась статья, не беремся судить однозначно о том, каким образом формулировки в духе заезжего немца Г.Ф. Миллера появились в статье, опубликованной ВГВ: кому они принадлежат – Никайду Курочкину или редактору. Ясно одно: мерилом нравственности для литератора (очевидно, воцерковленного) выступает здесь, прежде всего, степень христианизации народа, а содержание народной морали, не основанной на христианских заповедях ему, по всей видимости, не известно и не попятно. Но коли нравственность и духовное развитие в сознании авторов того времени связывались с религиозностью, то «смышленность» татар вполне

³ Так называли представителей прибалтийско-финских народов России.

⁴ По-видимому, Г.Ф. Миллер был поклонником этического учения немецкого философа второй половины XVIII века Иммануила Канта. Последний сформулировал внутренний естественный закон нравственности (т. наз. категорический императив): «Поступай всегда так, чтобы принципы твоего поведения могли стать всеобщим законом (нотстуй так, как ты бы мог пожелать, чтобы нотступали все)». Это весьма близка к принципам, изложенным в Нагорной проповеди [Мтф, 7:12].

объяснима; на тот момент они уже, по меньшей мере, несколько веков были интегрированы в систему ценностей одной из мировых религий, догматы которой, наряду с нормами права были понятны народу и разъяснялись священнослужителями на родном языке, а умственное образование татар было организовано в широкой сети школ; существовала и литература и письменность на татарском языке⁵. В то же время, на момент написания того текста Н.И. Курочкина, для сельского священника Вятской губернии знание языка своей нации – удмуртского, марийского, крышнейского диалекта татарского – было желательным, но не обязательным. Разумеется, и Г.Ф. Миллер и П.С. Паллас, посетившие Поволжье в конце XVIII века проездом, не знали местных языков и на уровне разговорной речи. А коли так, то и общение этнографа и представителя изучаемого народа могло осуществляться только через переводчика, и в качестве источника информации могли быть использованы как субъективные оценки отдельных лиц, так и иначе не обоснованные слухи. Конечно же, в условиях языкового барьера и коммуникация священника и прихожанина в целях правдивого образования последнего, просто не была возможна в принципе: новообращенные христиане в лучшем случае могли усвоить внешнюю, объективную сторону обрядности и не более. Кроме того, при отсутствии взаимопонимания священник не мог в достаточной степени выяснить и духовно-нравственные устои «инородческого» населения и объективно оценить их. На наш взгляд, наиболее квалифицированную оценку порочной практики доминантного идеологического давления со стороны этнографа дал Б.Г. Гаврилов (сам впоследствии ставший священником) в докладе на IV археологическом съезде в 1877 году: «В настоящее время некоторые чиновники и священники, приезжая к вотякам, с первого же раза стараются заговорить об обрядах и обычаях вотяков, смеются над их поверьями и укоряют их за языческие обряды. При подобных случаях вотяки наружно показывают равнодушие к насмешкам, но внутренне невидят таких лиц. Для того чтобы узнать образ жизни вотяков в том виде, как он есть, нужно сначала заслужить доверие вотяков, а потом постепенно можно узнать все» [4, с. 82]. Разумеется, нежелание вступить с первым встречным в разговор об интимных сторонах духовной жизни народа, однообразные ответы: «не знаю, не видел» – вызвали раздражение и воспринимались нахвостными визитерами как признаки «тупости», в то время как это была просто форма самозащиты народа, который не обязан был кому-то что-либо объяснять о себе.

Марпийский или удмуртский героический эпос?

Вернемся, однако, к тексту статьи Н.И. Курочкина. Там, где сравнивается

степень «смышлености» марпийцев и удмуртов имеется сноска в виде звездочки, за которой следует большая вставка: текст марпийского предания о войне с удмуртами (см. Табл. 4, левая колонка). Интересно, что тот же сюжет о соперничестве за землю с разрешением спора путем совершенно спортивного соревнования с метанием болотных кочек игой был зафиксирован Б.Г. Гавриловым в деревне Бия того же Малмыжского уезда два десятилетия спустя [5, с. 145].

Однако, по мнению Б.Г. Гаврилова, это уже удмуртская легенда (см. Табл. 4, правая колонка). Таким образом, можно полагать, что здесь мы имеем дело и

Таблица 4. Тексты Н.И. Курочкина (слева) и Б.Г. Гаврилова (справа).

(*) Мне случилось слышать предание черемись о войне их с вотяками. Первые во вторых бойко метали из луков стрелы и оставались победителями. Вотяки послали согласдатся — ваянть, отъ чего черемиса хорошо отдалюють, уапали, что черемиса ночью луки съ коноплянными тетивами владуть въ воду, отчего тетивы длаются упругими и хорошо бросаютъ стрелы. Вотяки пробовали также мочить луки: но это было безъ пользы. Тогда они предложили Черемисскому Князю — ршнить дбло поединкомъ такого рода: ежели Черемисий Князь болотную кочку ногою вышнетъ далёс, то быть черемисамъ победителями, а ежели вотекий вышнетъ далёс, то вотякамъ господствовать. Ночью Черемиский Князь носом подрезалъ кочки и оставилъ ихъ на прежнихъ мстахъ, между тымъ какъ вотяки недогадались этого сдлать. Но утру приходитъ черемисить, вшнаетъ кочки и они летитъ далеко, падаетъ и вотьякъ, — кочки. инды не троутся съ мста, другя дятягъ плохъ. Такъ черемиса побдили вотяковъ. Эта легенда показывасть покрайней мръ, что а) черемиса съ вотяками некогда воевали и покорили ихъ в б) первые стрельба и хитрость последнихъ. Действительно, та и другя таковы и нынѣ.

Тутю очень понравилось въстоположеніе, тымъ болѣе, что русскіе ни какъ не могли бы проникнуть въ этотъ дѣль. Тутю хотѣлъ поселить на этомъ мѣстѣ свой народъ; но туда же явился одинъ изъ предводителей черемисъ съ своимъ народомъ, который тоже хотѣлъ тутъ поселить черемисъ. Между предводителями двухъ народовъ начался споръ. Тутю предложилъ своему противнику перебросить ногой земляную кочку съ одного берега Вала на другой. Предводитель черемисъ согласился и тихонько отъ Тутю вырѣзалъ кочку и, отделивши отъ земли, оставилъ на мѣстѣ. Когда противники сошлись, черемисскій предводитель пулъ ногою въ заранѣе вырѣзанную кочку, кочка перелетѣла черезъ рѣку и упала на берегъ. Послѣ него пулъ ногой Тутю въ другую, невырѣзанную кочку, кочка взвилась высоко и, перелетѣвъ черезъ рѣку, упала сажень за тридцать отъ берега. Черемисскій предводитель, увидѣвъ это, покорился Тутю и повинился въ томъ, что онъ вырѣзалъ заранѣе кочку. Тутю поселялъ тутъ свой народъ, а черемисскій предводитель принужденъ былъ удалиться въ другую сторону.

⁵ С использованием арабского алфавита.

с национальным, а, скорее, с региональным фольклорным сюжетом. Данный сюжет примечателен еще и тем, что в стихотворном переложении был опубликован в прошлом веке М.Г. Худяковым в составе «удмуртского эпоса»⁶, а в наши дни активно используется в местной литературе: свои рифмованные произведения на тему о героическом боевом прошлом удмуртов представили М.Г. Атаманов, В.М. Ваиошев, В.Л. Шибанов и др.

О состоянии народного здоровья

Параграф с таким названием включен в статью под № 12 [1]. Интересно отметить, что этот параграф значительно превышает остальные по объему. В то же время рассмотрение нами выше исследовательская Программа ИРГО не предполагала того, что корреспонденты на местах будут изучать вопросы санитарии и гигиены. Однако уже в рассмотренной рукописи 1848 года Н.И. Курочкин, видимо, по собственной инициативе затрагивает эту тему, вскрывает причины заболеваемости, которые имеют как социальные корни, так и происходят из кумышководарения. И в начале рассматриваемой публикации он описывает «профессиональные» заболевания крестьян уезда вне зависимости от их национальности: горячку, лихорадку и кашель по причине местного переохлаждения организма оттого, что носимые крестьянами лапти не могут обеспечить должной гидроизоляции ног в сырую погоду; грибки от тяжелой работы.

В качестве «социальных» болезнью он называет цингу от недостатка питания, заболевания глаз от задымленности жилых помещений. Автор в целом верно указывает пути инфицирования венерическими и глазными заболеваниями: пользование общей посудой, общими банями и пренебрежение правилами личной гигиены – «плохое умывание лица и рук холодной водой».⁷

⁶ Для того чтобы читатель понял, отчего термин «удмуртский эпос» взят нами в кавычки, напомним, что этот и другие сюжеты регионального фольклора были зафиксированы «в поле» Н.И. Курочкиным, Б.Г. Гавриловым, Н.Г. Первухиным, а также изданы М.Г. Худяковым только на русском языке, несмотря на то, что названные исследователи удмуртским языком в той или иной степени владели и имели в своем ближайшем окружении сотрудников, хорошо владевших языками. Именно поэтому, на наш взгляд, пока не имеется оснований для утверждения об исключительно удмуртской принадлежности этих сюжетов и сказаний. Между тем, можно лишь порадоваться, что эти сюжеты вдохновляют современных литераторов, пишущих об удмуртских.

⁷ Частые указания на мытье в бане (но-черному) в ходе исполнения тех или иных обрядов, которые приводятся в этнографической литературе прошлых веков, не являются автоматическими свидетельствами высоких гигиенических стандартов:

Здесь же автор повторяет пассаж о массовом распространении «корчи» в удмуртских селениях после праздничного обильного употребления кумышки. Более подробное, чем в предыдущей публикации, описание симптомов – «судороги, слабость, потоотделение и понос» – позволяют согласиться с автором, что причиной заболевания с фатальным исходом являлось острое отравление. Н.И. Курочкин приводит прежнюю версию об отравлении продуктами окисления меди вследствие плохой очистки трубы-охладителя самогонного аппарата. Рассматривает он и новую версию, упоминая о том, что, по мнению врачей, исследовавших вопрос, причиной являются перебродившие «черные рожки», т.е. спорынья ржи. Однако, по его свидетельству, при употреблении русскими хлеба из зерна с «рожками» отравления не возникает. Современными исследованиями установлено, что спорынья содержит сильнейший яд-галлюциноген ЛСД. Можно лишь предполагать, что повышение концентрации отравляющего агента происходило при сбраживании больших объемов зерна; а содержащийся в браге спирт содействовал полной экстракции. Видимо, поедание хлеба, засоренного спорыньей, было сравнительно безопасно: потребляемая за один прием доза не вызывала острого отравления. Ничего не сообщают источники и о наркотическом воздействии такого хлеба.

В то же время, надо подчеркнуть, что, по крайней мере, еще во времена написания Курочкиным данной статьи, в середине XIX в. кумышка являлась в полной мере исключительно ритуальным напитком⁸. Правда, что ей упивались

ритуальная чистота отличается от физической чистоты тела и одежды. Кроме того, такое мытье несколькими семействами в одной бане ноочередно расширяло круг инфицированных. Что касается глазных болезней (например, трахомы), то, строго говоря, промывание глаз водой, не является мерой профилактики. Наоборот, вытирание лица и рук общим для всей семьи полотенцем после умывания служит распространению инфекции.

⁸ В литературе есть глухие указания об использовании удмуртами в прошлом грибов, возможно, в качестве ритуального галлюциногена, аналогично тому, как это делали многие, в основном северные народы: «Кушанье заивают вином, называемым кумышкой, которое они выкуривают сами, и нивом, которое приготавливают также сами, и в которое за неимением хмеля или по скудости вместо хмеля кладут какие-то грибы, высушенные и истолченные в порошок, называемые ими мекань. Эти грибы, употребленные в вино, совокупно с кумышкой производят в них не оныяненне, как обыкновенный спирт, но какое-то одурение, и тогда то в вотяках сказывается вся дикая их воля. Вотяк сколько трезвый скромн, тих, робок, столько под влиянием кумышки дик, буен и дерзок. Несмотря, однако, на все это, между ними, даже и няными никогда не бывает драки, что довольно удивительно». *Шубин С.* Сведения о вотяках Вятской губернии. Архив ИРГО, Разряд. X. Д. 48. Цит. по: *Лутнов П.Н.* Материалы к истории христианства у вотяков в первой половине XIX в. // Труды ВУАК. Вятка, 1911. С. 229. Можно предполагать, что и колосья зерновых со спорыньей могли применяться

в праздники все от мала до велика, но ритуальное опьянение случалось на глазах сородичей под контролем общественного мнения и буквально несколько раз в год: исследователи тех лет называют кто три, а кто четыре таких праздника в году, при том, что каждый из них был приурочен ко ключевым событиям сельскохозяйственного цикла (см. наст. публикацию). Производством кумышки и пива занимались женщины, и хранились напитки у хозяйки дома наряду с другими семейными ценностями. И лишь с внедрением календаря, праздники которого зачастую с сельскохозяйственным циклом не связаны, с повсеместным насаждением кабаков, в которых можно было принять алкоголь в любой день года, в любой дозе, не спрашивая согласия семьи и общины, по поводу и без повода употребление спиртных напитков из ритуального действия становится бытовым явлением, неизбежно вызывая алкоголизацию широких масс населения.⁹

Однако наибольший интерес в рассматриваемой публикации, на наш взгляд, представляет абзац, посвященный детским болезням, которого не было в предыдущей статье. Позволим привести его полностью: «Что касается до болезней детских, то ежегодно в июле и августе дети страдают поносом простым и кровавым; причиною тому – летние жары, ослабляюще нежное телосложение младенцев»¹⁰. Во время осени дети, имеющие от 1 до 14 лет нередко подвергаются жабе, или

в производстве дурмящего зелья преднамеренно; паркотик вводился в организм через пищевую тракт в форме раствора. В этом случае спирты и сивушные масла являлись, так сказать, не только «технологическими растворителями», но и дополнительными агентами, действие которых усиливало остроту интоксикации. Необходимо подчеркнуть принципиальную разницу опасности паркотического и алкогольного отравления: перепосимая доза алкоголя, как правило, каждому пьющему известна, так как передозировка вызывает рвотный рефлекс: алкоголь извергается и организм спасает себя таким образом от смерти. А перепосимая доза паркотика для каждого нового приема не известна вследствие эффекта привыкания; паркомат увеличивает дозу до смертельного предела и организм не сигнализирует ему и никак не может вывести неприятный паркотик.

⁹ Пожалуй, вплоть до советского времени общество не считало алкоголизм болезнью, которую надо лечить. Однако алкоголизм среди жителей нашего края, безусловно, имел место. Так, Г.Е. Верещагин в книге «Вотьяки Сарапульского уезда», вышедшей в 1889 году описывает завсегдатаев кабаков, которые испытывают непреодолимую тягу к спиртному: опи пропивают все свое имущество, не имея денег, простаивают у стойки целыми днями в надежде на случайное угощение и пр. Очевидно, к концу XIX века и изготавливаемая домашним способом кумышка в силу многих причин по качеству приблизилась к «казеппой» водке, утратив опасные «присадки» в виде грибов, спорыньи и т.п. Впрочем, эта тема, кажется, еще не ставилась предметом научного исследования.

¹⁰ Изученные нами метрические книги XIX века позволяют согласиться с тем, что пик детской смертности от разных причин в нашем регионе приходился на период с июня по август: в период интенсивных сельскохозяйственных работ дети часто оставались без материнского присмотра и подвергались действию различных патогенных факторов.

боли горла от бегания и стояния против холодного северного и северо-восточного ветра»¹¹. Весной и летом 1850 года в некоторых местах дети, имевшие 3–15 лет возраста страдали скарлатиной, иные легкой, а другие злокачественной. Из числа последних многие померли. Причина скарлатины – простуда от тех же холодных ветров.¹² Народ по незнанию эту болезнь называет то корью, то горячкой» [1, с. 148–149].

Почему сельский священник описывает заболевания детей до 15 лет? Напомним, что с 1843 года, после смерти супруги, священник Никандр Курочкин один воспитывает нятерых детей¹³. При том, матушка Клеопатра Григорьевна скончалась 9 сентября, родив 7 июля того же года сына Александра [6]. Надо полагать, что тридцатисемилетнему вдовцу, на руках у которого осталась большая семья с грудным младенцем, волей-неволей пришлось узнать многое и о детских болезнях, и о способах их предотвращения и лечения.

Отчего в статье, которая была опубликована в 1853 году, автор описывает события именно лета 1850 года? Совершенно ясно: священник Никандр Ильич Курочкин скорбит о смерти **собственных детей**: как отмечено в клировой ведомости, 20 мая 1850 года «от горячки» (т.е. от скарлатины) умирает его дочь Олимпиада в возрасте 14 лет. С этого же года в ведомостях о причте перестает упоминаться и его самый младший ребенок – семилетний сын Александр; по видимому, он тоже умер летом 1850 года от скарлатины [7].

Таким образом, рассматриваемая нами статья не только основана на личном опыте, но и отражает реальные события семейной жизни автора.

Хлебонашество и календарь удмуртов

Тема, вынесенная нами в заголовок, рассмотрена автором в параграфе № 13.

Священник-краевед пишет, что основными зерновыми культурами в уезде являются рожь и овес, так как именно эти виды зерна употребляются и в крестьянском хозяйстве и сбываются (видимо, в качестве фуражного зерна) на пролегающий по территории уезда Сибирский тракт. В отличие от предыдущей своей публикации он сообщает сроки основных сельхозработ по гражданскому календарю: «Посевы овса, ржи яровой, пшеницы полбы, проса и гороха производятся в первой половине

¹¹ Видимо, имеется в виду ангина: от *angina* – удушье (лат). Острое инфекционное заболевание, характеризующееся воспалением главным образом органов лимфатической системы – небных миндалин.

¹² Скарлатина: от *scarlatina* – ярко красный (лат). Инфекционное заболевание, которым болеют преимущественно дети.

¹³ Повторный брак священников был не возможен по церковным правилам. У нас нет сведений, что в доме вдовца Н.И. Курочкина появлялась другая жепщица. Несомненно, что помощь в уходе за детьми ему оказывала мать, проживавшая здесь же.

мая, уборка – в августе и сентябре месяцах. Рожь озимая сеется с 6 августа, убирается в конце июля следующего лета, горох сеют с 15 мая, репу с 24 июня; первый крючат, а другую режут в середине сентября»». В параграфе № 14 он добавляет: «Русские сеют лен около 21 мая, конопля <удмуртамн> сеется тогда же. То и другое дергают в конце августа» [1, с. 149].

Какой интерес могут представлять изложенные здесь сведения для современного этнографа и историка? Г.Ф. Миллер прямо пишет в конце XVIII века, что никакого календаря у приволжских народов нет. Разумеется, система счета времени у этих народов была, только она сильно отличалась от гражданского или церковного календаря. Нам неоднократно приходилось писать о том, что календарь, как упорядоченная череда повторяющихся явлений принимается народом лишь в том случае, если он служит в качестве полезного инструмента [8]. Иными словами, тот или иной календарь – гражданский, церковный (религиозно-обрядовый), фенологический (природных явлений) – внедряется в сельскохозяйственное производство исключительно из соображений практичности. При этом всякий календарь имеет свои точки отсчета – так называемые реперы. Эти точки всякий пользователь может сравнительно легко определить и согласовывать свои действия с эмпирическими данными, которые были получены в ходе наблюдений предыдущих лет. Например, в ходе наблюдений крестьянин может установить, что в данной местности для данной сельскохозяйственной культуры наилучшие результаты получаются при посеве через 10 (условно) дней после ледохода и в тот момент, как «лнстья на березе достигают величины ногтя на пальце руки». Став прихожанином православной церкви крестьянин узнает, к примеру, что в этот день церковь помнит Св. Мефодия и Кирилла, а по гражданскому календарю этот день называется 11 мая (по старому стилю). Разумеется, на будущий год земледельцу уже нет нужды смотреть на величину березовых листьев: он просто справляется у служителя церкви¹⁴ о приближении ожидаемой даты. Надо сказать, что христианский календарь, по нашему мнению, оказал довольно противоречивое по своим результатам воздействие на жизнь земледельца: с одной стороны, он избавил пахаря от фенологических наблюдений, дав ему готовые контрольные точки

¹⁴ Разумеется, речь идет о профессиональном служителе одной из мировых религий – попа или муллы, которые следят за осуществлением суточного и годового богослужебного или праздничного цикла: принято считать, что к моменту фиксации исторических реалий этнографами, т.е. к началу XVIII века удмурты-язычники не имели профессионального жречества. Впрочем, произведенная нами историческая реконструкция позволяет взглянуть на этот вопрос по-иному. См.: *Коробейников А.В.* Автограф М.Е. Салтыкова (Щедрипа) – источник по истории удмуртов // Десять лет Салтыковские чтения : материалы науч. конф. / Киров. обл. науч. библ. Киров, 2006. С. 31–42.

(по схеме означенной выше) с которыми совпали этаны вегетативного цикла растений. С другой стороны, в быт земледельца были внесены праздники, никак не связанные ни с обработкой почвы, ни со сбором урожая. Например, такими являются центральные для христианства праздники Рождества и Пасхи. Заметим, что наступление Рождества никакими фенологическими наблюдениями определить нельзя. Что же касается Пасхи, то она синхронизирует явления сразу четырех календарей: это первое воскресенье (церковный и гражданский календарь) после первого новолуния (лунный календарь) после весеннего равноденствия (солнечный календарь)¹⁵. Понятно, что в некоторых случаях (при так наз. поздней Пасхе) этот праздник, сопровождаемый застольем, может приходиться на самый разгар весенне-полевых работ, что совсем не способствует их производительности.

Практические следствия цитированных календарных заметок следующие:

1. Они полностью подтверждают высказанное нами ранее мнение [9] о том, что праздник выезда на пашию для начала обработки земли (*герыны потон*), помещаемый современными этнологами на середину апреля в этом месяце не возможен в принципе: даже на южной границе ареала проживания удмуртов сев производился лишь в первой половине мая, в то время как в апреле поля еще покрыты снегом.

2. Приводимые Н.И. Курочкиным даты однозначно свидетельствуют, что все операции весенней обработки земли и посев всех зерновых и зерно-бобовых, а также технических культур оканчивались в мае – первых числах июня вне зависимости от стиля летосчисления. Поэтому никак нельзя согласиться с мнением современных этнологов в соответствии с которым праздник Гербер символизирует собой окончание весенне-полевых работ и был строго приурочен к 29 июня (по старому стилю), то есть в наши дни он должен отмечаться 12 июля (по новому стилю). Как нам удалось показать в предыдущей публикации, построенной на шпирокой источниковой базе, Герберов в течение лета могло быть несколько, и каждый из них имел свое значение [10]¹⁶.

Таким образом, свидетельства полуторавековой давности могут быть актуальны для современников и должны быть использованы в практической деятельности историка.

¹⁵ Для одновременного празднования Пасхи по всему миру в католических храмах, к примеру, по крайней мере, начиная с эпохи Возрождения, имелись сохранившиеся до наших дней устройства: отверстия в куполе и мерные липейки на полу, которые позволяли по изображению солнечного диска определять наступление солнцестояния и равноденствия. См.: *Heilbrunn J.L.* The sun in the church: cathedrals as solar observatories. London, 2001. 366 p.

¹⁶ Впрочем, можно допустить, что одним из Герберов (29 июня ст. ст., день апостолов Петра и Павла) отмечалось и окопание посева репы, которая в то время, при отсутствии картофеля и в условиях товарности зерна составляла, пожалуй, самую значительную часть ежедневного крестьянского рациона. Заметим: при в одной из своих публикаций

1. Курочкин Н.И. Очерк Малмыжского уезда. ВГВ. 1853. № 18. С. 137–142. № 19. С. 147–151.
2. Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. СПб. 1770–1772. С. 156–166.
3. Миллер Г.Ф. Описание животных в Казанской губернии языческих народов... СПб. : Императорская Академия Наук, 1791. 99 с.
4. Гаврилов Б.Г. Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда Урятьев-Учинского прихода // Труды IV археологического съезда в России. Т.2. Казань : Типография Императорского Университета, 1891. С. 80–156.
5. Гаврилов Б.Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губернии. Казань, 1880. 190 с.
6. ЦГА УР. Ф. 30. Оп. 1. Д. 8 Л. 319 об. – 320.
7. ЦГА УР. Ф. 30. Оп. 1. Д. 30. Л. 398 об.
8. Коробейников А.В. О новых подходах к изучению календарной обрядности // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции на сайте sib-subethnos.narod.ru с 1 марта по 1 декабря 2004 года. Вып. 1. Красноярск, 2005. С. 93–100. Режим доступа: [<http://www.sib-subethnos.narod.ru/Korobeynikov>]
9. Коробейников А.В. Проблемы отчуждения и национальная идентификация удмуртов // Интернет-конференция «Отчуждение и присвоение в современной культуре». Пермь, 2005.
- Сайт «Удмуртология»//Режим доступа: [<http://udmurtology.fastbb.ru/re.pl?5-00000077-000-0-0-0-1110323705-0>]
10. Коробейников А.В., Сахарных Д.М. Гербер: о традиционном летнем празднике удмуртов // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы Второй Всероссийской научно-практической Интернет-конференции на сайте sib-subethnos.narod.ru. с 1 января по 1 ноября 2005 года. Вып. 2: в 2-х кн. Кн. 1. Красноярск : Красноярский гос. пед. ун-т, 2006. С. 135–148. // Интернет-журнал Ethnonet. Москва, 2005. Режим доступа: [<http://www.ethnonet.ru/lib/0802-05.html>]

Н.И. Курочкин картофеля не упоминает. Кроме того, директивные документы Православной церкви тех лет постоянно приписывают священнослужителям на местах принимать меры по приурочиванию церковных праздников к языческим молениям, которые традиции для той или иной местности.

В завершение считаем возможным привести мнение о нашей работе доктора исторических наук, профессора кафедры Отечественной истории Удмуртского государственного университета Аркадия Андреевича Тронина:

«Представленная книга в местной историографии представляет собой уникальное явление. Такая оценка определяется следующими факторами:

1. Впервые в исторической науке с достаточной полнотой восстанавливается жизненный путь и образ Н.И. Курочкина как одного из первых краеведов Удмуртии. Это очень важно, поскольку имя этого человека в местной историографии было предано забвению совершенно несправедливо. В местной литературе более или менее полно охарактеризованы личности Г.Е. Верещагина и П.Н. Луппова, а остальная масса священников, занимавшихся изучением края, продолжает оставаться «в тени». Хорошо, что Курочкин постарался опубликовать некоторые свои работы, по которым мы можем оценить их значение. Делом будущего должна стать публикация и других материалов, которые посылались местными краеведами в ИРГО в ответ на анкету.

2. Публикация текстов Н.И. Курочкина заполняет пробел в развитии научных знаний об удмуртах в середине XIX века. Действительно, до настоящего времени в научной литературе был разрыв между «академическими экспедициями» XVII века и работами ученых второй половины XIX века. Теперь, по работам Н.И. Курочкина и подобных ему краеведов мы получаем возможность определить научный уровень знаний об удмуртах для указанного периода.

3. Важное значение данная книга имеет не только для исторической науки, но и для преподавания истории Удмуртии в средней и высшей школе: впервые в местной историографии публикуются не только сами тексты середины XIX века, но и самые подробные комментарии, которые позволяют читателям с разным уровнем подготовки адекватно воспринять содержание работ Н.И. Курочкина. Достоинством этих комментариев является также и то, что авторы показывают исследовательскую «кухню», т.е. сам процесс поиска, сравнения и анализа исторических текстов. Это, несомненно, окажет неоценимую помощь начинающим историкам и привлечет их внимание к изучению прошлого Удмуртии».

Дорогие читатели, у Вас наверняка сложилось собственное мнение о прочитанной книге. Совпадает ли оно с вышеприведенным или нет, для нас не так уж важно: нам интересна именно Ваша точка зрения. Пишите нам на адрес: alexeika@udm.net.

Обещаем ответить на каждое письмо.

Авторы

СОКРАЩЕНИЯ:

ВГВ – Вятские Губернские Ведомости;
ВЕВ – Вятские Епархиальные Ведомости;
ГАКО – Государственный Архив Кировской области;
НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан;
УДАА г. Сарапула – Управление по делам архивов администрации города Сарапул;
ЦГА УР – Центральный Государственный Архив Удмуртской республики.

**Коробейников Алексей Владимирович
Тураинов Андрей Алексеевич**

**Вятское краеведение XIX века.
Священник Н.Н. Курочкин
об удмуртах**

Корректор *Орлова Е. С.*
Технический редактор *Старкова О. Н.*
Верстка *Дурнев С.Е.*

Подписано в печать 15.12.2008.
Формат 60x84¹/₁₆ Бумага офсетная. Гарпитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,58. Тираж 300 экз. Заказ № 53.

Издательский дом “Удмуртский университет”
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2

ISBN 978-5-7029-0339-2

